

ДЖО УОЛТОН

..... ПРЕМИЯ «ХЬЮГО» ПРЕМИЯ «НЕБЬЮЛА»

..... БРИТАНСКАЯ ПРЕМИЯ ФЭНТЕЗИ

СРЕДИ ДРУГИХ

Мастера магического реализма (АСТ)

Джо Уолтон
Среди других

«АСТ»

2010

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

Уолтон Д.

Среди других / Д. Уолтон — «АСТ», 2010 — (Мастера
магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-101987-7

Волшебство рядом. Стоит лишь приглядеться. Магия реальна. И Морвенна Фелпс знает об этом не понаслышке. Она победила в неравной битве свою безумную мать-колдунью, но потеряла родную сестру-близнеца. Сбежав к отцу, которого прежде Морвенна никогда не видела, она отправляется в школу-интернат, где от одиночества искушает судьбу и с помощью волшебства решает завести настоящих друзей. Своими действиями она привлекает внимание фейри, странных и чудесных созданий, но Морвенна еще не знает, что семья просто так ее не оставит, а волшебный мир может быть очень страшен.

УДК 821.111

ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-101987-7

© Уолтон Д., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Благодарности и примечания	7
Четверг, 1 мая 1975 года	8
Среда, 5 сентября 1979 года	10
Четверг, 6 сентября 1979 года	14
Пятница, 7 сентября 1979 года	17
Вторник, 18 сентября 1979 года	19
Среда, 19 сентября 1979 года	21
Четверг, 20 сентября 1979 года	23
Суббота, 22 сентября 1979 года	24
Воскресенье, 23 сентября 1979 года	25
Вторник, 25 сентября 1979 года	26
Среда, 26 сентября 1979 года	27
Суббота, 29 сентября 1979 года	28
Воскресенье, 30 сентября 1979 года	29
Вторник, 2 октября 1979 года	31
Четверг, 4 октября 1979 года	32
Пятница, 5 октября 1979 года	33
Суббота, 6 октября 1979 года	35
Воскресенье, 7 октября 1979 года	37
Понедельник, 8 октября 1979 года	38
Среда, 10 октября 1979 года	39
Четверг, 11 октября 1979 года	40
Пятница, 12 октября 1979 года	41
Суббота, 13 октября 1979 года	42
Воскресенье, 14 октября 1979 года	44
Понедельник, 15 октября 1979 года	45
Вторник, 16 октября 1979 года	46
Среда, 17 октября 1979 года	48
Четверг, 18 октября 1979 года	49
Пятница, 19 октября 1979 года	50
Суббота, 20 октября 1979 года	51
Воскресенье, 21 октября 1979 года	52
Понедельник, 22 октября 1979 года	53
Вторник, 23 октября 1979 года	54
Четверг, 25 октября 1979 года	55
Пятница, 26 октября 1979 года	56
Суббота, 27 октября 1979 года	58
Воскресенье, 28 октября 1979 года	60
Понедельник 29 октября 1979	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

**Джо Уолтон
Среди других**

Перевод с английского:

Jo Walton

AMONG OTHERS

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Copyright © 2010 by Jo Walton

All rights reserved.

© Галина Соловьева, перевод, 2017

© Татьяна Веряйская, иллюстрация, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Среди других» – это забавная, глубокая, пронзительная и увлекательная история, но когда дело касается магии, она превосходит сама себя.

Урсула К. Ле Гуин

Прекрасный роман, ничего похожего я никогда не читал: уютная, трогательная и по-настоящему магическая история.

Патрик Ротфусс

Если вы любите фантастику и фэнтези, если чтение для вас важно, если вы помните ту радость, с которой открывали в первый раз свои любимые книги, прочтите этот роман.

Робин Хобб

*Посвящается всем на свете библиотекам и библиотекарям,
которые изо дня в день сидят там, одалживая людям книги.*

Благодарности и примечания

Я хотела бы поблагодарить тетю Джейн, которая принимала как аксиому, что я буду взрослеть и писать, и ее дочь Сью, теперь Эшвелл, которая дала мне и «Хоббита», и трилогию «Земноморья» Ле Гуин. И еще я благодарна миссис Моррис, моей учительнице валлийского, которая тридцать лет волновалась за меня.

Мэри Лэйв и Патрик Нильсен ободряли меня, пока я писала эту книгу. Мои корреспонденты в Живом Журнале отлично снабжали меня нужными сведениями из самых разных областей, особенно Майк Скотт, без которого я бы не справилась. Не каждый научный консультант на полную ставку так расторопен и информирован. Еще раз спасибо, Майк.

Эммет О'Брайн, Саша Уолтон и, очень часто, Александра Уайтбин терпели меня, пока я писала. Элтер Рейсс купил мне лэптоп DOS, чтобы я могла сохранять написанное, а Джанетт М. Кегг раздобыла к нему аккумулятор. Мой сосед Рене Уоллинг нашел заглавие для этой книги. У меня лучшие из друзей. Seriously.

Луиза Меллори, Кэролайн-Изабель Кэрон, Дэвид Дайер-Беннет, Фара Мендельсон, Эдуард Джеймс, Майк Скотт, Джанетт Кегг, Дэвид Голдфабр, Ривка Вальд, Шервуд Смит, Сильвия Рэйчел Хантер и Бет Микам прочитали законченную книгу и представили полезные комментарии. Лиз Горински и усердные сотрудники издательства «Тор» проделали большую работу, привлекая внимание к этому роману, и помогли ему встретиться с читателями.

Обычно советуют писать о том, что знаешь, но я нахожу, что писать о том, что знаешь, гораздо труднее, чем придумывать. Изучить историческую эпоху проще, чем собственную жизнь, и проще иметь дело с вещами, которые не давят на тебя эмоционально, на которые смотришь со стороны. Вот почему вы обнаружите, что валлийских долин не существует, под ними не залегает уголь и красные автобусы не бегают по ним вверх-вниз; что никогда не было года под номером 1979, не существует такого возраста, как пятнадцать лет, и такой планеты, как Земля. А вот феири настоящие.

Четверг, 1 мая 1975 года

Эр' перрихис.

Урсула Ле Гуин. Резец небесный

*Какой совет вы бы дали себе молодому и в каком возрасте?
В любом от десяти до двадцати пяти. Будет лучше. Честно. На
свете действительно есть люди, которые понравятся вам и которым
понравитесь вы.*

Фара Мендельсон, Живой Журнал, 23 мая 2008 года

Паллетный завод в Аберкумбое убил деревья на две мили вокруг. Мы это вымеряли до миллиметра. Он будто вырос из глубин ада: черное мрачное здание, пыхающее пламенем из труб, отражалось в темных прудах, смертоносных для любого зверя или птицы, рискнувших напиться из них. Запах не поддавался описанию. Проезжая его, мы всегда крепко-накрепко закрывали окна машины и старались не дышать, хотя дедушка говорил, что так долго не дышать никому не под силу, и был прав. Пахло там серой, самым адским из известных элементов, и кое-чем похуже, например безымянным раскаленным металлом и тухлыми яйцами.

Мы с сестрой называли его Мордором и без взрослых еще никогда туда не заходили. И хотя нам было уже по десять лет, едва сойдя с автобуса и взглянув на него, мы схватились за руки.

Смеркалось, и чем ближе мы подходили к заводу, тем чернее и грознее он выглядел. Шесть труб пылали, четыре рыгали ядовитым дымом.

– Это, конечно, творение Врага, – пробормотала я.

Мор не поддержала игру.

– Ты правда думаешь, что получится?

– Фейри не сомневались, – как можно увереннее сказала я.

– Понятно, но точно ли они разбираются в реальном мире?

– Их мир реальный, – возмутилась я, – просто по-другому. Под другим углом.

– Да.

– Да... – Она не сводила глаз с завода, зловеще выраставшего с каждым нашим шагом. – Только я не уверена, хорошо ли они понимают мир под обычным углом. А здесь точно обычный мир. Деревья засохли. Здесь на много миль ни одного фейри.

– Потому-то мы сюда и пришли, – напомнила я.

Мы уткнулись в проволочную изгородь: три ряда проволоки, верхний – колючей. С предупреждением: «Без пропуска не входить. Охраняется собаками».

– Здесь собаки? – спросила Мор. Она боялась собак, и они это чуяли. Самые милые собаки, охотно игравшие со мной, на нее дыбили шерсть. Моя мать говорила, что по этому признаку нас можно различить. И не ошибалась, только способ, как всегда у нее, был ужасно жестоким и не слишком практичным.

– Нет, – сказала я.

– Откуда ты знаешь?

– Мы так далеко забрались, потратили столько сил, если сейчас вернемся назад, все погибло. Кроме того, мы идем на подвиг, а от подвига нельзя отступить, потому что боишься собак. Не представляю, что бы сказали на это фейри. Вспомни, с чем только не сталкивались настоящие герои. – Я понимала, что это не поможет. И говоря, шурилась из-за сгущавшихся сумерек. Мор крепче вцепилась мне в руку. – И еще, собаки – это животные. Даже обучен-

ная сторожевая собака попробовала бы здешнюю воду и умерла бы. Будь здесь собаки, мы бы нашли у лужи хоть несколько собачьих трупов, а я их не видела. Блеф это все.

Мы проползли под проволокой, по очереди приподнимая ее друг для друга. Тихий пруд был как старый нечищенный мельхиор, а пламя из труб отражалось в нем неверными колеблющимися полосами. Ниже виднелись огоньки: вечерняя смена еще работала.

Растений там не было, даже засохших деревьев. Под ногами хрустела зола, я боялась подвернуть ногу на шлаковой крошке. И ничего живого, кроме нас. Звездочки окон на холме напротив казались до смешного недосягаемыми. Там жила одна девочка из нашей школы, мы у нее как-то гостили, так запах чувствовался даже в доме. Ее отец работал на заводе. Я задумалась, не там ли он сейчас.

На краю пруда мы остановились. Он был совсем неподвижным, хотя нормальная вода всегда хоть немного дрожит. Я нащупала в кармане волшебный цветок.

– Твой при тебе?

– Немножко помялся, – сказала сестра, выудив его. Я посмотрела. Мой тоже немножко помялся. Никогда наша затея не казалась мне такой ребяческой и глупой, как посреди пустыни у мертвого пруда, с помятыми лютиками, которые, по словам эльфов, должны были прикончить завод.

Я не знала, что сказать.

– Ну: ан, дай, трай! – сказала я, и на счет «три» мы кинули цветы в свинцовый пруд. Они канули в воду, не оставив даже ряби. И ничего не случилось. Потом вдалеке залаяла собака, Мор развернулась и кинулась бежать, и я, повернувшись, поспешила за ней.

– Ничего не вышло, – сказала она, когда мы вернулись на дорогу – вчетверо быстрее, чем добирались с дороги к пруду.

– А ты чего ждала? – спросила я.

– Что завод рухнет и превратится в святилище, – сказала она самым будничным тоном. – Ну, или хуорнов.

Я до хуорнов не додумалась и ужасно об этом пожалела.

– А я думала, цветы растают, от них пойдет рябь, и потом все станет рушиться, а руины прямо на глазах покроются деревьями и плющом, и пруд обернется живой водой, и из него с песнями вылетят птицы, и тогда появятся эльфы, поблагодарят нас и уведут во дворец.

– Но ничего не вышло, – вздохнула сестра. – Завтра придется им сказать, что не сбылось. Ну что, домой пешком пойдем или подождем автобуса?

Но все сбылось. На следующий день абердэрский «Лидер» вышел с передовицей: «Паллетный завод закрывается: тысячи человек лишились работы».

Я начала с этого места, потому что тут все кратко, точно и внятно, а с остальным не так просто.

Считайте это мемуарами. Считайте, что это мемуары из тех, которым в будущем грозят ужасающие разоблачения, когда обнаружится, что автор лгал и все были не того цвета, пола, класса и вероисповедания, как он утверждал. У меня проблема противоположного свойства. Я всеми силами сопротивляюсь самому обыденному тону изложения. С вымыслом все в порядке. Вымысел позволяет отбирать и упрощать материал. Этот рассказ не легкий и не простой. Но в нем говорится о фейри, так что вы вольны считать его сказкой. Все равно вы вряд ли мне поверите.

Очень личное.

Это НЕ книга для внеклассного чтения!

Среда, 5 сентября 1979 года

*Et haec, olim, meminisse iuvabit!*¹
Вергилий. Энеида

– А как тебе будет хорошо в деревне! – твердили они. – После, как бы сказать, такого индустриального района. Школа там прямо в поле, и еще коровы, трава и здоровый воздух.

Они хотели от меня отделаться. Отправить в интернат, чтобы и дальше делать вид, будто меня не существует. Они никогда не смотрели прямо на меня. Либо глядели мимо, либо вроде как шурились. Я была не из тех родственников, с кем бы они стали водиться, будь у них выбор. *Он*, может, и смотрел иногда – не знаю. Я не могла взглянуть прямо на него. Делала это украдкой, вбирая его: бороду, цвет волос. Походил ли он на меня? Не берусь сказать.

Старших сестер у него было три штуки. Я видела фотографию, где они намного моложе, но лица точь-в-точь такие же, а одеты все подружками невесты, и моя тетушка Тэг рядом с ними выглядела смуглой как ягода. Моя мать тоже была на снимке в ужасном розовом свадебном платье – розовом потому, что это было в декабре, а в июне уже родились мы, и она хоть немного стыдилась – но *его* там не было. Его она оторвала. Его она вырвала, вырезала или выжгла со всех свадебных фотографий, после того как он сбежал. Я никогда не видела его снимков, ни единого. В книжке Люси Монтгомери «Джейн с маяка» девочка, у которой родители развелись, сама того не ведая, узнает отца по фото в газете. Прочитав эту книгу, мы пересмотрели немало фотографий, но ни одна на нас не подействовала. Честно говоря, мы нечасто *о нем* задумывались.

Даже оказавшись в его доме, я не слишком поверила, что он настоящий – он и три его властные сводные сестры, велевшие мне называть их тетями. «Никаких „тетушек“, – сказали они. – Тетушка – это просторечие». И я стала звать их тетями. Звали их Антея, Доротея и Фредерика, я это знала, как знала многое, хоть и не все было правдой. Рассказам матери нельзя доверять без проверки. Но не все можно проверить по книгам. И все равно имена были мне без толку, потому что я их не различала, так что называла каждую просто «тетя». А они обращались ко мне «Морвенна» – очень официально.

– Арлингхерст – одна из лучших в стране школ для девочек, – сказала одна из них.

– Мы все в нее ходили, – подхватила другая.

– Самые веселые времена, – закончила третья. Они, как видно, привыкли размазывать любую фразу на всех.

Я стояла перед холодным камином, выглядывая из-под челки и опираясь на трость. Трости они тоже предпочитали не замечать. Я заметила на их лицах жалость, когда впервые вышла из машины. Такого я терпеть не могла. Мне хотелось бы сесть, но говорить об этом я не собиралась. Я теперь намного лучше держалась на ногах. И собиралась поправиться, что бы ни считали врачи. Мне иногда так хотелось пробежаться, что нило все тело – сильнее, чем больная нога.

Чтобы отвлечься, я отвернулась и стала разглядывать камин. Он был мраморный, очень вычурный, с медными накладками в виде березовых веток. Все там было очень чисто, но не слишком уютно.

– Так что мы сегодня же купим тебе в Шрусбери форму и завтра отвезем туда, – сказали они. Завтра... Им и впрямь не терпелось от меня отделаться – вместе с моим отвратительным валлийским акцентом, и хромотой и, что хуже всего, с моим нежелательным существованием. Мне тоже не хотелось у них оставаться, беда в том, что больше деваться мне было некуда. До

¹ И это когда-нибудь будет приятно вспомнить! (Лат.)

шестнадцати лет не разрешается жить одной. Это я выяснила в Приюте. А *он* – мой отец, хоть я его раньше никогда и не видела. В том же смысле, в каком эти женщины – мои тетки. От этого мне было одиноко и бездомно, как никогда. Я скучала по настоящим родным, которые меня подвели.

Остаток дня заняли покупки с тремя тетями, но без *него*. Не знаю, радовалась я этому или жалела. Форма для Арлингхерста продавалась в особых магазинах, как и форма для моей начальной школы. Как мы гордились, сдав экзамен на переход в среднюю! Нас называли «сливками долины». Теперь всему этому конец, а меня запикивают в какой-то интернат для снобов с ненормальными правилами. У одной тети был список, мы все по нему покупали. Денег они определенно не жалели. Никогда еще на меня так много не тратили. Жаль, что все покупки были такие жуткие. В том числе особая форма для спортивных игр. Я не сказала, что она мне вряд ли пригодится. Этой мысли я избегала. Все детство мы пробегали. Мы выигрывали кроссы. На школьных кроссах мы большей частью соревновались друг с другом, оставив остальных далеко позади. Дедушка даже говорил про Олимпийские игры – просто так мечтал, но вслух. Он сказал, что ни разу еще на Олимпиадах не выступали близнецы.

С обувью вышла проблема. Я позволила им купить хоккейные ботинки, беговые туфли и чешки для гимнастики, потому что их я либо смогу надеть, либо уж нет. Но когда дошло до форменной обуви на каждый день, пришлось теток остановить.

– Я ношу специальную обувь, – сказала я, не глядя на них. – С особой стелькой. Ее надо делать у ортопедов. Просто купить нельзя.

Продавщица подтвердила, что в школьном отделе таких не купить. Она показала нам школьные туфли. Уродливые, почти такие же неуклюжие, как носила я.

– А в этих ты ходить не сможешь? – спросила одна тетя.

Я взяла школьные туфли и осмотрела.

– Нет. – Я перевернула туфлю. – Смотрите, у них каблук.

Спорить не приходилось, хотя школа, вероятно, выбрала самый малый каблук, на который согласилась бы уважающая себя девочка-подросток.

Они не нарочно унижали меня, цокая языками над моими туфлями, надо мной и моей сделанной по особому заказу стелькой. Пришлось им напомнить, что торчу рядом как столб, с кривоватой от боли полуулыбкой на лице. Им хотелось спросить, что у меня с ногой, но я их переглядела, и они не решились. Сдались и сказали, что насчет туфель в школе наверняка поймут.

– Мои туфли ведь не какие-нибудь красные и гламурные, – заметила я.

И напрасно, потому что все они уставились на мои туфли. Туфли для калек. У женщин-калек имелся выбор между коричневыми и черными, и эти были черные. И деревянная трость. Она принадлежала дедушке, еще живому, который лежал в больнице и пытался поправиться. Если он выздоровеет, я смогу вернуться домой. Маловероятно, если подумать, но больше мне надеяться было не на что. Деревянный брелок для ключей болтался на молнии моего джемпера. Обрезок дерева с корой из Пемброкшира. Он остался у меня с прежних времен. Я его потрогала, чтобы ощутить под пальцами дерево, и поймала на себе их взгляды. И увидела то, что видели они: забавная, чуточку ершистая увечная девчонка с невзрачным обрезком деревяшки. А следовало бы увидеть двоих светящихся верой в себя детей. Я знала, что происходит, а они нет и ни за что бы не поняли.

– Вы такие англичанки, – сказала я.

Они улыбнулись. Там, где я выросла, «сакс» – бранное слово, ужасное оскорбление и повод для драки – хуже обозвать невозможно. Означает оно «англичанин». Но теперь я находилась в Англии.

Мы обедали за столом, который был бы маловат для шестнадцати человек, но пятую часть неловко выделили мне. Все подобрано под сервиз: скатерть, салфетки. Совсем не как дома.

Еда, как я и ожидала, оказалась жуткая: жесткое как подошва мясо с водянистой картошкой и какая-то зелень с острыми листьями и вкусом травы. Мне всю жизнь рассказывали, как ужасно едят в Англии, и я с каким-то даже облегчением убедилась, что не соврали. Разговор шел об интернатах, в которых они учились. Я сама все знала. Недаром же читала про школу «серых братьев», про «Мэллори-тауэрс» и полное собрание сочинений Анджели Брейзил.

После обеда он пригласил меня в свой кабинет. Тетушки смотрели недовольно, но промолчали. Кабинет меня ошеломил – он был полон книг. Судя по всему дому, я ожидала увидеть старые издания Диккенса, Тrolлопа и Гарди (бабушка любила Гарди) в кожаных переплетах, а полки оказались забиты книжечками в бумажных обложках, причем большей частью фантастикой. Впервые в этом доме я по-настоящему расслабилась – и впервые при нем, потому что, раз такие книги, может, все не так плохо.

В комнате были и другие вещи: кресла, камин, поднос для выпивки, проигрыватель – но я на них смотреть не стала, а заспешила, насколько могла со своей ногой, к полкам с научной фантастикой.

Там было полно нечитаного Пола Андерсона. Поверх него лежали «Странствия дракона» Энн Маккефри – вроде бы продолжение к «Поиску Вейра», который я читала в антологии. Полкой ниже был нечитанный Джон Браннер. Лучше того – два нечитанных Браннера, нет, три нечитанных Браннера! У меня голова пошла кругом.

Лето я провела практически без чтения, кроме того что захватила с собой, сбежав от матери. Трехтомничек «Властилина колец», само собой, второй том «Двенадцати румбов ветра» Урсулы Ле Гуин, который ни на что не согласилась променять, считая, что это лучший авторский сборник рассказов всех времен и народов, и «Последний звездолет с Земли» Джона Бойда, который к этому времени дочитала до середины, хотя по второму разу он шел не так хорошо, как я надеялась. Я читала, хоть и не взяла с собой, «Гитлер украл розового кролика» Джудит Керр и всякий раз, глядя на этого Бойда, невольно сравнивала себя с Анной, которая, покидая Третий рейх, взяла с собой новую игрушку вместо любимого розового кролика.

– Можно мне?.. – начала я.

– Можешь брать любые книги, только обращай аккуратно и возвращай на место, – сказал он.

Я выхватила Андерсона, Маккефри и Браннера.

– Что взяла? – спросил он.

Я повернулась и показала ему книжки. Смотрели мы оба на книги, а не друг на друга.

– А первую ты читала? – спросил он, постучав пальцем по Маккефри.

– Брала в библиотеке, – сказала я. Я перечитала всю научную фантастику и фэнтези в абердэрской библиотеке, от андерсоновского «Мичмана Фландри» до «Созданий света, созданий тьмы» Роджера Желязны – странная книга попала напоследок, я все еще не была уверена насчет нее.

– А Дилэни читала? – спросил он. Налил себе виски и сделал глоток. Запах был жуткий.

Я покачала головой. Он подал мне перевертыш издания «Эйс» с «Имперской звездой» Сэмюэла Дилэни. Я перевернула бы посмотреть, что с другой стороны, но он поцокал языком, и тогда я первый раз бросила на него короткий взгляд.

– Вторая – полная чушь, – пренебрежительно кинул он, с излишней резкостью потушив сигарету. – Как насчет Воннегута?

Я перечитала все, что к тому времени написал Курт Воннегут. Кое-что пришлось читать, стоя у полки в кардиффском книжном магазине «Лирс». «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» показался мне очень странным, зато лучше «Колыбели для кошки» я вряд ли что читала.

– О да! – сказала я.

– Что из Воннегута?

– Все, – уверенно заявила я.

– «Колыбель для кошки»?

– И «Завтрак для чемпионов», и «Добро пожаловать в обезьянник»... – я сыпала названиями. Он улыбался. Он был доволен. Для меня чтение было убежищем и страстью, но никто еще не радовался, что я читаю.

– А «Сирены Титана»? – спросил он, когда я иссякла.

Я покачала головой:

– Впервые слышу.

Он оставил рюмку, наклонился и достал книгу, почти не глядя на полку. Положил ее поверх моей пачки.

– А как насчет Зенны Хендерсон?

– «Паломничество»! – выдохнула я. Эту книгу как будто написали специально для меня. Я ее полюбила. И еще не встречала человека, который бы тоже ее читал. Ее я брала не в библиотеке. У матери было американское издание с пробитой в обложке дыркой. Издавалась ли она в Британии, я не знала. В библиотечном каталоге она отсутствовала. До меня только теперь дошло, что, если он – мой отец, а в каком-то смысле так и было, значит, он давным-давно знал мою мать. Он на ней женился. У него было продолжение «Паломничества» и два сборника. Я их взяла, не слишком веря ему. Стопка разъезжалась у меня в руках. Я уложила книги в сумку, которая висела у меня на плече, как всегда.

– Думаю, я бы теперь легла в постель, почитала, – сказала я.

Он улыбнулся. У него была хорошая улыбка, совсем не как наши улыбки. Мне всю жизнь твердили, что мы похожи на него, но этого я не заметила. Если он был Лазарус Лонг, а мы – его Лаз и Лор, я ждала хоть какого-то чувства узнавания. Мы не походили ни на кого из нашей семьи, но и с ним, кроме глаз и цвета волос, я не находила сходства. Все равно! У меня были книги, новые книги, и пока их хватит, я все что угодно вынесу.

Четверг, 6 сентября 1979 года

Отец отвез меня в школу. На заднем сиденье лежал аккуратный чемоданчик – я его впервые видела, – а в нем, как заверила одна из тетей, аккуратно сложенная форма. Был еще кожаный саквояж – по ее словам, со школьными принадлежностями. На обоих ни царапинки, так что я решила, что они совсем новые. Дорогие, должно быть, до неба. В моей сумке лежало то, с чем я сбежала, плюс одолженные книги. Я крепко прижимала сумку к себе и не позволила им ее отобрать и поставить к остальному багажу. Я им покивала – язык прилип к нёбу. Даже забавно, насколько при них невозможно было плакать и вообще выказывать сильные чувства. Они мне были не свои. И не похожи на своих. Это прозвучало как первые строчки стихотворения, так что у меня руки чесались записать их в блокнот. Я неловко залезла в машину. Было больно. Хорошо хоть, внутри хватило места выпрямить ногу. Передние сиденья лучше задних, я это и раньше замечала.

Я умудрилась попрощаться и поблагодарить. Каждая тетя чмокнула меня в щеку.

Отец, пока вел машину, на меня не смотрел, поэтому я могла его разглядывать – искоса. Он дымил, прикуривая новую сигарету от прежней – совсем как она. Я опустила окно, чтобы не задохнуться. Он по-прежнему казался мне совсем не похожим на нас. И не только из-за бороды. Я задумалась, что бы сказала о нем Мор, и с силой отбросила эту мысль. Немного спустя он заговорил:

– Я тебя записал как Маркову.

Так его зовут. Даниэль Марков. Я это всегда знала. Так записано в моем свидетельстве о рождении. Он был женат на моей матери. Ее так звали. Но я никогда этим именем не называлась. Моя фамилия – Фелпс, я с ней и в школу пошла. Фелпсы – это кое-что значит, по крайней мере в Абердэре, – это мои бабушка с дедушкой, моя семья. А миссис Маркова – это та безумная, моя мать. Все равно в Арлингхерсте это ничего не будет значить.

– Морвенна Маркова – язык сломаешь, – отозвалась я после слишком долгой паузы.

Он засмеялся.

– Я так и сказал, когда вы родились. Морвенна и Морганна.

– Она говорила, имена выбирал ты, – сказала я не слишком громко, разглядывая в открытое окно заплаты ровных полей со всяческими посадками. Одни были сжаты, другие перепыханы.

– Пожалуй, я, – признал он. – Она составила список и заставила меня выбирать. Все имена были очень длинные и очень валлийские. Я говорил, что язык сломаешь, но она обещала, что люди их сократят. Сократили?

– Да, – ответила я, пялясь в окно. – Мо или Мор. Или Мори.

Когда прославлюсь как поэтесса, возьму имя Мори Фелпс. Сейчас я так книги подписываю. «Экслибрис Мори Фелпс». А какое отношение Мори Фелпс имеет к Морвенне Марковой и что с ней будет в новой школе?

Когда-нибудь я над этим буду смеяться – обещала я себе. Буду смеяться над этим вместе с людьми такими умудренными и умными, что пока мне их даже не вообразить.

– А твою сестру звали Мог? – спросил он.

До сих пор он меня о ней не спрашивал. Я покачала головой, потом сообразила, что он рулит и не смотрит на меня.

– Нет, – сказала я. – Мо или Мор – мы обе.

– А как же вас различали?

Он не смотрел на меня, прикуривал новую сигарету.

– Не различали. – Я улыбнулась про себя.

– Ты не против в школе быть Марковой?

– Мне все равно. И, как бы то ни было, платишь за это ты, – сказала я.

Он повернул голову, коротко взглянул на меня и снова стал смотреть на дорогу.

– Платят мои сестры, – сказал он. – У меня нет денег кроме тех, что они мне выделяют. Ты представляешь нашу семейную ситуацию?

Что там было представлять? Я ничего о нем не знала, кроме того, что он был англичанин – из-за этого я без конца дралась на детской площадке – и что женился на моей матери в девятнадцать лет, а через два года сбежал, когда она легла в больницу рожать еще одного младенца – младенца, который умер от потрясения.

– Нет, – ответила я.

– Моя мать была замужем за неким Чарльзом Бартлби, довольно богатым. У них было три дочери. Потом началась война. Он воевал во Франции с сорокового, попал в плен, в лагерь военнопленных. Моя мать оставила трех моих маленьких сестер с бабушкой Бартлби в Олдхолле – это тот дом, из которого мы сейчас едем. Она нанялась на работу в столовую ВВС, чтобы хоть чем-то помочь солдатам. Там она повстречала польского летчика Сэмюэла Маркова и влюбилась в него. Он был еврей. Я родился в марте сорок четвертого. В сентябре сорок четвертого Бартлби освободили из лагеря, и он вернулся в Англию, где они с моей матерью развелись. Она вышла замуж за моего отца, который тогда как раз узнал, что все его родные в Польше погибли.

– У Маркова тоже были жена и дети?

Я в этом не сомневалась. Польский еврей! Во мне есть польская кровь. Или еврейская? А я знала про иудаизм только из «Страстей по Лейбовицу» и «Умиравшему изнутри». И, пожалуй, по Библии.

– У матери были свои деньги – не слишком много. Отец после войны ушел из авиации и работал на фабрике в Айронбридже. Бартлби оставил дом и деньги моим сестрам. Когда мне было тринадцать, мать погибла. Сестры тогда были уже взрослыми, они приехали на похороны. Антея предложила оплатить мне школу, и отец согласился. С тех пор они меня поддерживали. Женился я, как ты знаешь, студентом.

– А что случилось с Бартлби? – спросила я. Тот, наверное, был немногим старше дедушки.

– Застрелился, когда девочкам исполнился двадцать один год, – ответил он голосом, пресекавшим дальнейшие расспросы.

– А ты что... делал? – спросила я.

– Они держали веревочку от кошелька, но распоряжался имуществом я, – сказал он. И уронил окурок в переполненную пепельницу. – Они платили мне жалованье, и я жил в их доме. Право, очень по-викториански.

– Ты там и жил с тех пор, как сбежал? – спросила я.

– Да.

– А они говорили, что не знают, где ты. Дедушка к ним ездил поговорить, в такую даль! – возмутилась я.

– Они солгали. – Он вовсе не смотрел на меня. – Тебя так беспокоит мой побег?

– Я от нее тоже сбежала, – я ответила не на вопрос, но достаточно вразумительно.

– Я знал, что бабушка с дедушкой о вас позаботятся, – сказал он.

– Они и заботились, – подтвердила я. – Об этом мог не беспокоиться.

– Да, – сказал он.

Тут я виновато подумала, что самое мое присутствие в машине – для него страшный упрек. Прежде всего, я была там одна, а бросил он близняшек. И еще я была калеккой. И, наконец, вообще была: потому что сбежала. Мне пришлось просить у него помощи – и, хуже того, мне пришлось просить помощи через социальную службу. Ясно, что не так уж хорошо он нас устроил. В самом деле, я своим существованием доказывала сейчас, что он никуда не годный отец. И, сказать по правде, он таким и был. Какая бы ни была мать, бросать маленьких

детей не годится – вообще, а бросать младенцев на нее было особенно безответственно. Но я тоже от нее сбежала.

– Я бы не захотела другого детства, – сказала я. Дедушка с бабушкой. Долина. Дом. – Правда. В нем было что любить – много всего. Лучшего детства и быть не могло.

– Я скоро познакомлю тебя с моим отцом; возможно, на первых же каникулах, – пообещал он. Просигналил поворотником, и мы свернули между двумя полузасохшими вязами на захрустевшую под колесами гравийную дорожку. Арлингхерст. Приехали.

Первым происшествием в новой школе стала битва за химию. Здание было большое и роскошное, с собственным участком – внушительное и викторианское. Но пахло в нем школой: мелом, вареной капустой, дезинфекцией и потом. Директриса оказалась благовоспитанной и недостижимой. Она не разрешила отцу курить, сразу выбив его из колеи. Стулья у нее были слишком низкие. Мне с трудом удалось встать. Но это бы все ничего, если бы не расписание, которое она мне вручила. Прежде всего, ежедневно три часа спортивных игр. Дальше: искусство и религия в обязательном порядке. Кроме того, пришлось выбирать между химией и французским и еще между латынью и биологией. В остальном выбор давался легко: например, физика либо экономика или история, либо музыка.

Роберт Хайнлайн в «Имею скафандр – готов путешествовать» говорит, что изучать имеет смысл только языки, историю и естественные науки. Он еще называет математику, но мне математических мозгов не перепало, они все достались Мор. Правда, для нас это было все равно: мы либо понимали мгновенно, либо хоть кол на голове теши.

– Как ты умудряешься разбираться в булевой алгебре, когда тебе даже деление в столбик не дается? – в отчаянии дивился наш учитель математики. Но диаграмма Венна – это просто, а деление так и осталось для меня серьезным вызовом. Труднее всего давались задачи, в которых люди без всякой причины совершали непостижимые поступки. Я забывала о сложении, гадая, кому интересно время встречи поездов (шпионам), почему люди так нервно делят сидячие места (недавно развелись) и – по сей день это для меня загадка – принимают ванну без затычки.

С историей, языками и естественными науками у меня проблем не было. Если в естественных науках нужна математика, то всегда по делу, и к тому же там разрешают пользоваться калькуляторами.

– Мне нужны сразу латынь, и биология, и французский вместе с химией, – сказала я, подняв взгляд от расписания. – Зато мне ни к чему искусство и религиозное воспитание, так что это легко будет устроить.

Директриса взвилась до небес, вроде как расписание – это святое или как-то так. Я не слишком вслушивалась.

– В школе учатся больше пятисот девочек, ты предлагаешь мне стеснить их всех, чтобы подстроиться под тебя?

Отец, который наверняка тоже читал Хайнлайна, вступился за меня. Для меня Хайнлайн в любое время важнее директрисы. Сошлись на том, что я поступлюсь биологией, если мне разрешат посещать остальные три курса, а это можно устроить, если немножко побродить из класса в класс. Химию мне пришлось учить с другим классом, но мне это было все равно. Пока я удовлетворилась и такой победой и согласилась, чтобы мне показали спальню, классную руководительницу и «новых друзей»

Отец, прощаясь, поцеловал меня в щеку. Я проводила его взглядом и заметила, что он закурил, едва вышел за дверь.

Пятница, 7 сентября 1979 года

Насчет сельской местности: это оказалось шуткой.

Ну, в каком-то смысле правдой. Арлингхерст с его спортивными площадками стоит в окружении ферм. На двадцать миль кругом нет ни дюйма не занятой кем-нибудь земли. На ней пасутся коровы, тупые уродливые создания в черно-белых пятнах, как игрушечные коровки, а не настоящие буренки, которых мы видели на каникулах. (Как так, бурые коровы? Никто о таких и не слыхивал.) Они бродили по полям, пока не наступало время дойки, а тогда одна за другой втягивались в ворота скотного двора. Я в первый же день, как только меня выпустили погулять по участку, смекнула, что эти коровы тупые. Как коровы! Никогда раньше не понимала этого выражения буквально.

Я-то родом с Уэльских долин. Они не зря называются долинами. Это пропиленные ледником ущелья с крутыми берегами и узкой полоской ровной земли на дне. Такие долины есть по всему Уэльсу. Почти в каждой стоит церковь и несколько ферм и живет человек с тысячу. Больше не прокормить. Наша долина – долина Сайнон, – как и соседние, имела население больше сотни тысяч человек – все они жили в викторианских домах-террасах, гроздьями облепивших склоны и теснящих друг друга так плотно, что не всегда найдешь место, чтобы развесить белье после стирки. Домам и людям было тесно, как в большом городе, даже хуже, хотя это вовсе не город. Зато подальше от домов-террас сразу начиналась дикая природа. Да и среди домов всегда можно было поднять взгляд.

Можно было поднять взгляд к горам, откуда приходит помощь моя – этот псалом я всегда понимала хорошо. Горы были прекрасны: зелень, деревья и овцы, и они всегда оставались на месте. Дикие – в том смысле, что каждый мог в любое время подняться туда. Они никому не принадлежали, не то что разгороженные пастбища вокруг школы. Холмы были общими. И даже на дне долины находились реки, леса, и руины, и заброшенные плавильни, и забытые фабрики. Руины зарастали, возвращались дикой природе, и их занимали фейри. То, на что мы надеялись с паллетным заводом, случалось на самом деле. Только не так скоро, как нам представлялось.

Маленькими мы все время играли в развалинах, иногда одни, иногда с другими детьми или с фейри. Мы далеко не сразу узнали, что это за развалины. Рядом с домом тетюшки Флорри стояла старая плавильня, мы в ней проводили все время. Там бывали и другие дети, и мы с ними чудесно играли в прятки и в пятнашки. Я не знала, что такое плавильня. Конечно, если бы меня приперли, разобралась бы, что там плавил железо, но никто от меня ничего не требовал. Это было место само по себе. Осенью оно все краснело от шиповника. Мы редко знали, где мы.

Большая часть развалин, на которых мы играли в лесу, вовсе никак не назывались. Там могло быть что угодно. Мы именовали их избушкой ведьмы, замком великана, дворцом эльфов или играли, будто они – последний оплот Гитлера или стены Ангбанда, хотя на самом деле это были рассыпающиеся корпуса фабрик. Фейри ничего не могли создавать – ничего настоящего. Они ничего не могли. Потому-то они и нуждались в нас. Мы этого не знали. Мы многого не знали, недодумывались спросить. До прихода людей фейри, я думаю, жили на деревьях, а не в домах. Возможно, фермеры ставили им молоко. Да их тогда и было не так много.

Люди или, вернее их предки, пришли в долины с началом промышленной революции. Под холмами залегали железо и уголь, и города в свое время росли как грибы и наполнялись людьми. Если вы когда-нибудь задумывались, почему валлийцы не эмигрировали в Новый Свет в таком масштабе, как ирландцы или шотландцы, так это не потому, что людям не приходилось так же бросать свои дома. Это потому, что у них была своя земля, куда можно уйти. По крайней мере, они считали ее своей. Пришли туда и англичане. Валлийский язык забывался. У моей бабушки валлийский был первым языком, у матери вторым, а я его знаю через пень-

колоду. Семья бабушки перебралась из Западного Уэльса, из Кармантена. У нас и сейчас есть там родня, Деревенская Мэри и ее семья.

Мои предки пришли вместе со всеми, когда открыли железо и уголь. Прямо на месте строили плавильни, прокладывали рельсы, чтобы вывозить вагонетками, ставили дома для рабочих, и еще плавильни, и копи, и еще дома, пока не застраивали долину сверху донизу. Потом железо кончалось или оказывалось, что его дешевле добывать в другом месте, и, хотя уголь все еще продолжали копать, это уже были жалкие остатки бума столетней давности. Литейное производство забросили. Шахты закрыли. Кое-кто уехал, но многие остались, прижившись к тому времени. К нашему рождению хроническая безработица стала обыденностью, и фейри прокрались в долины, заняв никому не нужные руины.

Мы росли, вольно играя среди развалин, не представляя своей истории. Для детей это были чудесные места. Заброшенные, заросшие, забытые, и стоило выбраться из дома, как ты попадал в дикий лес. Всегда можно было подняться в горы – в настоящую глушь со скалами, деревьями и овцами, серыми и неприглядными от угольной пыли. (Не могу понять, что романтического в них находят. Мы им орали «мятный соус», отгоняя подальше. Тетушка Тэг, слыша такое, всегда морщилась и запрещала нам так кричать, но мы не слушались. Они спускались в долину, переворачивали мусорные бачки и портили садики. Из-за них приходилось держать ворота закрытыми.) Но даже долина была прошита развалинами и перелесками – повсюду, куда ни ткнишь, параллельно городу. Мы знали и другие ландшафты. На выходные мы выезжали в Пемброкшир, и в настоящие горы, Брекон-Биконс, и в Кардифф, а это большой город с городскими магазинами. Но долины были нашим домом, такую местность мы считали нормой и не сомневались в этом.

Фейри никогда не уверяли, будто развалины построены ими. Вряд ли мы спрашивали, но, если и спрашивали, они только смеялись, как почти на все наши вопросы. Они необъяснимо появлялись и необъяснимо пропадали. Иногда они заговаривали с нами, а иногда от нас разбегались. Как и другие наши знакомые дети, мы умели играть и с ними, и без них. Нам были нужны только мы сами и воображение.

Места моего детства связывали волшебные дорожки, по которым почти не хаживали взрослые. У них были дороги, а дорожки для нас. Для пешеходов – другие, лишние, шире троп, но узковатые для машин, иногда они шли параллельно настоящим дорогам, а иногда срезали путь из ниоткуда в никуда, от эльфийских руин к лабиринту Миноса. Мы давали им имена, но точно знали, что по-настоящему они называются «драмы». Я никогда не вертела этого слова на языке, чтобы опознать в нем подлинное «трам». В валлийском согласные, стоящие в начале слова, мутируют. В других языках тоже, но обычно это занимает сотни лет, а в валлийском они меняются прямо на языке. «Трам» само собой превращается в «драм». Когда-то вагонетки-трамвайчики бегали по рельсам, перевоза железную руду или уголь. Эти засыпанные листвой дорожки, никому не нужные, кроме детей и фейри, когда-то были маленькими железными дорогами.

Не то чтобы мы не знали своей истории. Даже если брать в расчет только реальный мир, мы знали историю лучше многих. На уроках нам рассказывали про пещерных людей, норманнов и Тюдоров. Мы знали про греков и римлян. Мы знали массу жизненных историй времен Второй мировой. Мы даже немало знали из истории семьи. Просто все это не привязывалось к местности. А местность формировала нас, растила нас, влияла на все. Мы считали, что живем в фэнтези, а на самом деле жили в научной фантастике. Мы воображали, что играем среди наследия, что оставили нам эльфы и великаны, присваивали владения волшебного народа. Я давала дорожкам-драмам названия из «Властелина колец», а на деле они были из «Куколок».

Поражаюсь, какие громадные вещи удастся иногда упустить из виду.

Вторник, 18 сентября 1979 года

Школа – жуть, как и следовало ожидать. Прежде всего, как известно по всем книгам о школах, там чуть ли не самое главное – спортивные игры. Я не в форме для спорта. Еще – все девочки одинакового происхождения. Почти все англичанки, из недалних мест, продукты таких же ландшафтов, как вокруг школы. Они немножко различаются по форме и размеру, но говор у всех одинаковый. Мой выговор, в Долине считавшийся шикарным и сразу выдававший мое классовое превосходство, здесь – клеймо варварки. И если быть калекой из варваров мало, добавим тот факт, что я поступила в класс, где все уже два года знакомы, союзы и вражда разграничены по линиям, в которых я совсем не разбираюсь.

К счастью, я все это быстро выяснила. Я не дура. Я никогда еще не ходила в школу, где бы каждый не знал меня и моих родных, зато я всего три месяца как из детского приюта, а хуже него не бывает. Поговору я распознала других варварок – одну ирландку (Дейдра, называют Дыра) и одну еврейку (Шарон, называют Шара). С ними, как могу, пытаюсь подружиться.

Других отпугиваю взглядом, когда они пытаются дразниться, покровительствовать или подкалывать, и рада заметить, что мой взгляд действует как обычно. Прозвищ получила множество: Тэффи², Воровка, и Комми, и еще чуть более оправданные Хромуша и Ковыляшка. Комми – это потому, что по фамилии меня приняли за русскую. Я ошибалась, когда думала, что для них это имя ничего не значит. Меня щиплют и наступают на ноги, когда рассчитывают, что это сойдет с рук, но настоящих драк не было. Это чепуха, полная чепуха после приюта. При мне палка и взгляд, и я скоро стала рассказывать жуткие истории после отбоя. Пусть меня боятся, лишь бы оставили в покое. Пусть ненавидят, лишь бы боялись. Для школы-интерната это отличная стратегия, хоть она и подвела Тиберию. Я об этом сказала Шарон, а она уставилась на меня как на инопланетянку. Что? Что? Никогда я не привыкну здесь жить.

В классе я быстро вышла на первые места по всем предметам, кроме математики. Очень скоро. Скорей, чем ожидала. Может, здесь девочки не так умны, как в нашей начальной школе? Там с одной-двумя можно было потягаться, а здесь ничего подобного. Я парю на недостижимой высоте. Смешно сказать, популярность мне оценки и поддерживают, и портят. До уроков никому здесь дела нет, за то, что я их колочу, меня ненавидят, зато Дому дают очки за отличные оценки, а этими очками здесь очень дорожат. Грустно, что интернат так похож на описанный у Энид Блайтон, а если и отличается, то в худшую сторону.

Уроки химии с другим классом намного лучше. Химию ведет преподаватель естественных наук, единственный учитель-мужчина, и девочки там, кажется, гораздо больше увлечены предметом. Лучшие уроки в программе, не зря я за них сражалась. Что пропускаю искусство, я не жалею – хотя тетюшка Тэг расстроится. Я ей не писала. Подумывала, но не решилась. Она не расскажет матери, где я, – только не она – но рисковать нельзя.

А вчера я обнаружила библиотеку. Мне разрешили в ней бывать, когда полагалось бы бегать на игровом поле. Увечье вдруг обернулось мне на пользу. Библиотека не то чтобы потрясающая, но много лучше, чем ничего, так что я не жалуюсь. Все, что дал отец, я дочитала. (Он был прав насчет второй повести в «Имперской звезде», зато сама «Звезда» – одна из лучших книг, что мне попадались.) Здесь на полках есть «Бык из моря», и еще «Колесничий», тоже Мэри Рено, я о нем даже не слышала, и три взрослые научно-фантастические повести Льюиса. Отделка деревянными панелями, на стульях старая потрескавшаяся кожа. Пока похоже на то, что там никого не бывает, кроме меня и библиотекаря мисс Кэрролл, с которой я неизменно вежлива.

² Этим словечком англичане называют валлийцев, жителей Уэльса.

Теперь я могу снова вести дневник. Хуже всего здесь то, что невозможно остаться одной и тебя то и дело спрашивают, чем занимаешься. Ответить «Пишу стихи» или «Веду дневник» – будет вроде поцелуя смерти. Я с первых же дней и пробовать не стала, хоть и очень хотелось. Меня и так уже считают чудачкой. Сплю в дортуаре с одиннадцатью другими девочками. Даже в туалете не остаться одной: кабинки и душевые без дверей, а сортирные шутки здесь, разумеется, вершина остроумия.

Из окна библиотеки мне видны ветви сохнувшего вяза. Вязы повсюду засыхают, это голландская болезнь. Я не виновата, я тут ничем не могу помочь. Но я все думаю, что могла бы, если бы феиры подсказали мне, что делать. Это из тех вещей, которые стоило бы исправить. Умиравшие деревья – это очень грустно. Я спросила библиотекаря, и она дала мне «Юного натуралиста», в котором я прочитала подробнее. Болезнь завезли из Америки с грузом бревен, это грибковое заболевание. Почему-то от этого еще сильнее думается, что ее можно вылечить. Все вязы – один вяз, они клоны, вот почему все они гибнут. В популяции нет естественной сопротивляемости, потому что нет изменчивости. Близнецы тоже клоны. Глядя на вяз, никогда не подумаешь, что он – часть всех остальных. Увидишь отдельное дерево. Так же и на меня теперь смотрят: видят отдельного человека, а не половину близнецовой пары.

Среда, 19 сентября 1979 года

Между самоподготовкой и ужином у нас свободные полчаса. Вчера дождя не было, и я вышла погулять в сумерках. Прошлась до края школьного участка. На поле паслись черные белые коровы. На меня они смотрели равнодушно. Еще там есть канава и несколько деревьев. Если здесь есть фейри, для них самое место. Было промозгло и сыро. Небо выпцвело, а заката вроде бы и не случилось.

Фейри довольно трудно найти нарочно, даже если знаешь, где искать. Я всегда считала, что они как грибы: натыкаешься, когда думать о них не думаешь, а станешь искать – и нет их. Брелока для ключей я не захватила, и все на мне было новое, без прошлого, и не могло помочь. Зато трость, старая и деревянная, могла бы сработать. Я попробовала задуматься о вязе и о том, нельзя ли ему помочь. И старалась успокоить мысли.

Я закрыла глаза и оперлась на трость. Боли старалась не замечать и черной дыры на месте Мор тоже. Боль трудно забыть, но я знала, что она их отпугивает сильнее всего. Помнила, как они разбегались испуганными овцами, когда я в тот раз рассадилла руку на Камелоте. Обычно боль в ноге состоит из двух частей: резко тянущая и медленно грызущая. Если стоять неподвижно и держать равновесие, грызущая переходит в ноющую, а тянущая возникает, только если перенести вес на эту ногу, вот я и постаралась ее унять. Я стала вспоминать, как мы их вызывали. Открыла разум. Ничего не изменилось.

«Добрый вечер?» – осторожно подумала я по-валлийски. Хотя, может быть, английские фейри говорят по-английски? Или здесь нет волшебного народца. Места для них тут маловато. Я снова открыла глаза. Коровы убрели прочь. Должно быть, на дойку. Рядом стоял куст, и маленькая корявая горная осина, и еще орешник на школьной стороне канавы. Я тронула ладонью гладкую кору орешника, ни на что уже не надеясь.

В ветвях надо мной был фейри. Очень робкий. Я всегда замечала, что фейри больше всего похожи на растения. С людьми и животными все по стандарту: две руки, две ноги, одна голова – человек. Или четыре ноги и шерсть – овца. А вот у растений и фейри есть родовые признаки, но у дерева может быть сколько угодно веток, и расти они могут как угодно. Свои особенности тоже есть, но один вяз не слишком похож на соседний, а может и очень отличаться, если они росли по-разному. Фейри разделяются на прекрасных и совершенно жутких. У всех у них есть глаза, и у многих что-то вроде головы. У некоторых и конечности более или менее человеческие, а у других звериные, а третьи вовсе ни на что не похожи. Этот был как раз из третьих. Длинный, тощий и с кожей как грубая кора. Если не видеть глаз, которые вроде как снизу, примешь его за растение-паразит, заплетенное паутиной. Как у дубов есть желуди и листья-ладошки, а у орешника орехи и мелкие круглые листья, так у большинства фейри кожа узловатая и серая, или зеленая, или коричневая, и обычно они где-нибудь да волосатые. Этот был серый, и очень узловатый, и ближе к ужасному краю спектра.

Имена для фейри мало значат. Мы дома давали имена своим знакомым, и те либо отзывались, либо нет. Кажется, имена их сместили. И местам они не дают названий. Они и самих себя не называют фейри, это мы. Если подумать, они не сильны в существительных, а как они говорят... Так или иначе, этот фейри был мне совсем чужой, а я ему, и у меня не было для него ни имени, ни пароля. Он просто смотрел на меня, как будто готов был в любой момент отскочить или растаять в дереве. Пол фейри – тоже скользкий вопрос, кроме случаев, когда у них длинные развевающиеся волосы, униженные цветами, или пенис величиной в его же рост, или еще что-то в таком роде. У этого никаких признаков не имелось, и я решила, что он будет оно.

– Друг, – сказала я, ничем не рискуя.

И тут его полное молчание взорвалось движением и речью:

– Иди. Опасно! Найди!

Фейри не говорят, как все люди. Как бы ни хотелось вам увидеть в них Галадриэль, таких речей от них не дождешься. Этот вот высказался и пропал, весь разом, не успела я рассказать ему о себе, расспросить про вязы и нельзя ли что-нибудь сделать. Так всегда бывает, когда они исчезают – между двумя ударами сердца, как не бывало.

Опасно? Найди? Я понятия не имела, что это значит. И не видела ничего опасного, но повернула обратно к школе, где звонили к ужину. Я оказалась в конце очереди, но этот ужин и горячий недорого стоил. Опасность меня не нашла, и я не нашла опасности, по крайней мере в ту ночь. Я выпила водянистый какао и понадеялась, что с фейри все в порядке. Я была рада, что оно здесь есть, пусть и не слишком общительное. Это мне как кусочек дома.

Четверг, 20 сентября 1979 года

Сегодня утром я обнаружила, что подразумевало фейри под «Найди» и «Опасно». Пришло письмо от моей матери.

Не знаю, каким образом встреча с фейри дала ей знать, где я. Мир живет не по удобной логике. Фейри бы ей не сказало, а кое-кто из людей мог, но те и прежде могли бы. Я думаю, она меня искала. В незнакомой местности, среди всего нового, меня нелегко было ухватить – я не взяла ничего, кроме трости и горстки своих вещей, а те мои вещи, что остались у нее, должны были уже вылинять. Но, открыв разум, чтобы вызывать фейри, я привлекла внимание. Может, из-за этого кто-нибудь дал ей мой адрес или она напрямую его узнала. Не важно. Почти всегда можно подобрать цепочку совпадений, если хочешь опровергнуть волшебство. Потому что оно происходит не так, как в книгах. Оно создает такие вот цепочки случайностей. Как если бы вы, щелкнув пальцами, получили розу, но только потому, что кто-то уронил розу с самолета так, что она упала аккурат вам в руки. Роза настоящая и самолет настоящий, но это не отменяет чуда, что роза оказалась у вас в руках.

Вот в чем я всегда ошибалась. Я хотела волшебства. Как в книгах. Но если волшебство действует как в книгах, то скорее как в «Резце небесном». Мы думали, что паллетный развалится у нас на глазах, а на самом деле в Лондоне уже несколько недель как решили его закрыть, только этого бы не случилось, если бы не наши цветы. Волшебство было бы легче ухватить, действуй оно как в книгах. А так, если у вас скептический склад ума, от него легко отмахнуться, потому что всегда найдется разумное объяснение. Оно всегда действует через реальный мир, и поэтому его всегда можно отрицать.

Вот и с письмом матери так. В нем шипы, но эти шипы не проявятся, если его кому-нибудь показать. Она предлагает прислать мне фотокарточки Мор, когда я отвечу. Она говорит, что скучает, но что теперь очередь отца немножко обо мне позаботиться – за такое рассуждение мне хочется ее придушить. А на конверте ее неподражаемым почерком аккуратно выведено: «Морвенне Марковой», и, значит, ей известно, под каким именем я живу.

Мне страшно. Но карточки я хочу и почти уверена, что здесь ей меня не достать.

Суббота, 22 сентября 1979 года

Сегодня дождь.

Я ходила в Освестри, ближний городок — едва ли он заслуживает такого названия, купить Шарон шампунь. Ей, как иудейке, нельзя пользоваться деньгами по субботам. Нашла библиотеку, но она закрывается в полдень. Зачем нужна библиотека, которая по субботам закрывается в полдень? Как это по-английски, честное слово! Книжных магазинов нет, но в «Смитсе» торгуют книгами — только бестселлерами, но это лучше, чем ничего.

Вернулась и остаток свободного времени провела в библиотеке, краснела над «Колесничим». Раньше до меня не доходило, что те герои греческих саг Рено, что влюбляются друг в друга, гомосексуалы, но теперь я поняла, что, конечно, так и есть. Я читала с опаской, как будто кто-то готов был отобрать у меня книгу, словно они знали, о чем она. Поражаюсь, что такая попала в школьную библиотеку. Может, я первая ее прочитала с 1959 года, когда ее закупили?

Воскресенье, 23 сентября 1979 года

По воскресеньям вечером выделено время для писем домой. Я написала отцу, Даниэлю, довольно длинное письмо обо всех книгах и еще добавила, что надеюсь, он и все тети здоровы. Он ответил в том же духе и прислал мне бандероль с единственной книгой, в которой я не нуждалась: трехтомником «Властелина колец» в твердой обложке. У меня есть в бумажной, подарила тетушка Тэг. Еще он прислал «Полет дракона» – продолжение «Поиска Вейра», «Город Иллюзий» Ле Гуин и «Бег иноходца» Ларри Нивена. Ничего, но хуже, чем «Мир-кольцо» и «Дар с Земли». Сегодня я сочиняла письмо матери. Написала, что здорова и уроки мне нравятся. Послала свои оценки и на каком я месте в классе. Написала, что моя группа играет в хоккей и лакросс. Образцовое письмо, да я и писала по образцу письма моей ирландской подружки Дейдры, которой письма родителям нелегко даются. Я взамен позволила Дейдре, которую никогда не называю Дырой, списать работу по латыни. Она на самом деле очень милая – не слишком умная и вечно путает слова, зато очень добрая. Она бы, думаю, и просто так дала мне списать свое письмо.

Вторник, 25 сентября 1979 года

Мое письмо подействовало: чуть ли не со следующей почтой она прислала фотографии, как обещала. На одной мы вдвоем на пляже, строим песчаный замок. Мор сидит спиной к объективу, прихлопывает песок. Я смотрю на фотоаппарат или на дедушку, который снимал, но от меня остался только силуэт, потому что я старательно выжжена.

Среда, 26 сентября 1979 года

В школе как обычно. Первая в классе по всему, кроме математики, как всегда. Сходила к канаве повидать фейри – запирай конюшню, когда лошадь свели, – но никого не видела. Вязы так и сохнут. Читаю «За пределы безмолвной планеты», это не из Нарнии. Опять жуткое письмо. Живот прихватило.

Суббота, 29 сентября 1979 года

С волшебством никогда не знаешь. Никогда не уверен, действительно что-то делаешь или просто играешь. В любом случае, мне такими вещами лучше не заниматься, потому что это бы привлекло внимание, а мне его и так более чем достаточно.

Мы с Мор уходили из дома летом, когда не было дождя, и играли. Играли, будто мы рыцари – отчаявшиеся, но верные защитники Камелота. Играли в подвиги. Мы подолгу беседовали с фейри, зная, что говорим за себя и за них. Проще простого было бы вычистить фейри из этих мемуаров – а вот Мор, конечно, нет, так что я все равно не могу о них рассказывать, я вообще не могу рассказывать о детстве, потому что невозможно говорить «я», подразумевая «мы», а если говорить «мы», придется говорить об умершей сестре, а не о том, о чем хочется рассказать. Я поняла это тем летом. Так что говорить об этом не буду.

Мы шли по драму, болтали, пели и играли, а подойдя ближе к развалинам, подбирались украдкой, словно так их было легче застать. Иногда тот, которого мы называли Глорфиндейлом, выглядывал из-за руин, заставлял нас, и мы отлично играли в догоняшки. Бывало, они от нас чего-то хотели. Они многое знают, но мало что могут в реальном мире.

Во «Властелине колец» говорится, что эльфы стали малочисленны и таятся от людей. Не знаю, знал ли Толкин про фейри. Когда-то я думала, что да. Когда-то я думала, он был с ними знаком, и слышал, и записывал их рассказы, а тогда получалось, что все это правда. Фейри не умеют по-настоящему лгать. Но, ложь или правду, говорят они не по-эльфийски. Они говорят на валлийском. И они обычно не так похожи на людей, как эльфы. И они никогда нам ничего не рассказывали – в смысле настоящих историй. Они держались так, будто мы сами все знаем, будто мы – часть всего, как и они.

До самого конца знакомство с ними ничего кроме добра нам не приносило. А в конце – не думаю, чтобы они поняли. Нет, поняли. Они объяснили яснее ясного. Это мы не поняли их.

Хотелось бы мне, чтобы волшебство было более зрелищным.

Воскресенье, 30 сентября 1979 года

На створке ворот конюшни-без-лошади: я сегодня написала тетушке Тэг.

Семья у меня большая, сложная и во всех отношениях совершенно нормальная. Просто... нет. Стоит подумать, как объяснить кому-то доброжелательному, но ничего о нас не знающему, я заранее пугаюсь.

У бабушки не было братьев и сестер, и ее растила ее тетушка Сил, потому что ее мать умерла. На самом деле даже еще сложнее. Чтобы разобраться, придется начать поколением раньше. Кэдуолдер и Марион (мама) Терисы перебрались в Абердэр из Западного Уэльса, где оставили много родни. Он стал работать на руднике, а она открыла школу для девочек, и у них было пятеро детей: Сильвия, Сюзанна, Сара, Суламифь и Сидни. Мне жаль бедняжку Суламифь, но что им было делать, если уж так начали подбирать имена, а рождались все девочки?

Сильвия так и не вышла замуж и растила детей остальных. Сюзанна вышла за мужчину, который оказался Тяжким Жребием. Он был шахтер. Он ее бил, и она от него убежала, забрав обеих дочерей. Но в те времена позором считался побег, а не побои, поэтому она оставила дочек, Гвендолен и Олвен, у тетушки Сил и уехала в Лондон, нанялась там в услужение. Тетушка Гвенни выросла жуть какой женщиной, вышла за дядю Теда, и у них было две дочки и пять внуков, таких идеальных, если ее послушать, что невозможно было их не возненавидеть. Тетушка Олвен стала сиделкой и начиная с тридцатых годов жила с другой сиделкой, тетушкой Этель. Они были совсем как супружеская пара, и все к ним так и относились.

Сара вышла за священника по имени Августус Томас. Для нее это был шаг вверх по социальной лестнице. Они познакомились, когда он служил кюре при церкви Св. Фэганса, это наша местная церковь, но поженились, когда он поселился на Говере рядом со Сванси. Он увез туда Сару, и она родила сына, которому тоже дали имя Августус, но называли Гусом и которого отец привез на воспитание к тетушке Сил, когда умерла бедная Сара. Дядя Гус был герой войны и женился на медсестре по имени Эстер, которой мы все не нравились. Моя бабушка из всех кузенов любила его больше всего, просто насмотреться не могла.

Суламифь вышла за Мэтью Иванса, шахтера. Она была матерью моей бабушки, а до свадьбы работала учительницей, как раньше ее мать. Закон запрещал замужним работать учительницами, но содержать школу для девочек можно было, потому что дети приходили к вам на дом. Она родила ребенка, который умер, потом мою бабушку, Ребекку, а потом сама умерла.

Сидни открыл магазин тканей в поселке, а позже стал мэром. Он женился на Флоренс, а она умерла, родив тетушку Флосси. У самой тетушки Флосси было трое детей, а потом ее муж умер от Черной Смерти, которую подхватил от крысы. Тогда тетушка Флосси снова стала учительницей, а детей сдала тетушке Сил – воспитывать новое поколение, так что моя кузина Пип, шестью годами старше меня, родилась в 1958-м и стала последней из малышей Сильвии, когда первой из них, тетушке Гвенни, было уже шестьдесят, она родилась в 1898-м.

Вы подумаете, что уж очень многие умирали, и будете правы, но это происходило в Викторианскую эпоху, у них не было антибиотиков и плохо обстояло с гигиеной, а существовала только микробная теория инфекций. Хотя в общем я думаю, они все были болезненные, потому что как глянешь на семью Фелпсов, разница налицо. О тех я напишу в другой раз. Тетушка Флорри, дедушкина сестра, во всем винила их образованность. Не вижу, каким образом образованность могла их убивать – и ведь тетушка Сил была образованной не меньше других, а прожила восемьдесят с лишним лет. Я ее помню.

В записи это выглядит сложнее, чем есть. Может, надо было нарисовать схему. Но не стоит. Вам не обязательно помнить их всех. Я только хотела сказать, что когда принадлежишь к такой большой семье, где все всех знают и помнят о каждом даже то, что случилось до твоего рождения, и о тебе тоже знают и многое могут порассказать, то ты всегда не просто Мор, а

«Мор Люка и Бекки» или «внучка Люка Фелпса». И еще, когда тебе кто-то нужен, кто-нибудь да найдется. Не обязательно родители или даже дедушка или бабушка, но, если случится беда, найдется, кому тебя вырастить, вроде тетушки Сил. Но она умерла раньше моей бабушки, а когда мне понадобился кто-то, эта семейная сеть, на которую я рассчитывала и на которой можно было скакать, как на батуте, уже распалась, вот я и грохнулась о землю. Они не хотели признавать, что с моей матерью что-то не так и что мне нужно как-то помочь. А раз я обратилась в социальную службу, чтобы от нее уйти, они уже ничего не могли сделать, потому что для соцслужбы тетушки, которых вы знаете с рождения, никто в сравнении с отцом, которого вы никогда не видели.

У него тоже была семья.

Вторник, 2 октября 1979 года

Честное слово, Джеймс Типтри мл., «Теплые миры и другие рассказы», потягается со вторым томом «Двенадцати румбов ветра» за те же деньги. Я бы сказала, что Ле Гуин все равно впереди, но не так далеко, как я думала. Остальные две книжки в отцовской посылке – Железные. За них еще не бралась. «Создания света, создания тьмы» ужасно странные.

Четверг, 4 октября 1979 года

«Девять принцев Амбера» и «Ружья Авалона» – полный блеск. Два дня ничего не делала, только читала. Тени – это здорово придумано, и Козыри тоже, но самое лучшее – это голос Корвина. Надо почитать еще Железны.

Сегодня пришло письмо от тетушки Тэг, похоже, она очень рада узнать, что я в порядке. Вложила в конверт фунтовую бумажку. Много семейных новостей. Кузен Арвель поступил на новую работу: Британские железные дороги, в Ноттингеме. Тетушка Олвен ждет очереди на операцию катаракты. У кузины Сильви опять ребенок – и Гэйл на втором не остановится! Дядя Родри женился. О моей матери ничего не пишет. Я и не ждала. Я тоже не писала. И не призналась, что променяла искусства на химию. Она преподает искусства; ей не понять. У меня три любимых предмета: химия, физика и латынь, хотя самые высокие оценки по занудному старому английскому – как всегда. Мы читаем «Наш общий друг» – я его про себя называю «Наш общий дух». Переписать бы его под этим названием, а общим знакомым сделать «некого Райдерхуда».

Пятница, 5 октября 1979 года

Отец моего дедушки, француз, приехал в Британию из Ренна, а мать его – из Индии. Все говорят, что он был очень смуглый, как мой дед и его сестры: темноволосые, темноглазые, и кожа смуглее, чем обычно у европейцев. И мать у меня такая. Дедушка нашу кожу презирал, мол, обгорает на солнце. Александр Ренн сменил имя на Фелпс, когда женился на моей прабабушке Анабель Фелпс, потому что она поставила такое условие. Он работал на руднике. Одна из восьми детей, сама она родила семерых, из которых пятеро выжили, и всегда была тираншей. Она умерла в девяносто три, за год до моего рождения, но я росла на рассказах о ней.

Поскольку Александр был француз, дома у них говорили по-английски, не то что в семье бабушки, где при наличии выбора переходили на валлийский. Пятеро выживших детей все переженились и тоже обзавелись потомством.

Старший мальчик, Александр, женился перед Великой войной³ и отправился в окопы, оставив беременную жену. Назад он не вернулся, телеграмма сообщила, что пропал без вести в бою. Его молодая жена, моя тетушка Бесси, перебралась к тестю и теще, родила ребенка – моего дядю Джона и в общем и целом, как и тетушка Флорри, считалась у бабушки за бесплатную прислугу. А много лет спустя, в 1941-м, на автобусе в Абердэр прибыла молодая женщина с двумя серьезными мальчиками, моими дядями: Малькольмом и Дунканом. Она пришла к бабушке и объявила себя вдовой ее сына Александра. Тот вовсе не погиб, а остался в армии, и отправился в Индию, и там женился, не потрудившись развестись с тетушкой Бесси.

Его вторая жена Лиллиан была англичанка, выросла в Индии и своих денег почти не имела. Она привыкла к жаркому климату и слугам. Бабушка с дедушкой оставили ее у себя, и кое-кто считал это очень добрым поступком, но ей самой жить с ними оказалось очень нелегко. Позже она сговорилась с тетушкой Бесси, у которой была небольшая вдовья пенсия, и они смогли позволить себе собственный маленький домик. К моему рождению этот скандал устарел – я знала, что они вдовы одного и того же мужчины, ну и что из этого? Все равно он умер. Две вдовы отлично ладили. В войну они вязали носки для солдат, а после открыли магазин – продавали шерсть и изделия домашней вязки прямо у себя в гостиной. В ней стоял странно-звериный запах, который они пытались заглушить сушеной лавандой из садика тетушки Флорри – там я впервые увидела лавандовые подушечки.

У дедушки было три сестры, все замужние и с детьми. Одна, тетушка Мод, опозорила себя, выйдя за католика и уехав в Англию, где родила одиннадцать детей, кончая Монголом, и еще четверых усыновила, в том числе двух африканцев. Я не вижу в этом скандала, раз она могла о них о всех позаботиться – а она могла. Она всегда была дедушкиной любимицей, но теперь они ссорились при каждой встрече. Она пошла в свою мать. Не вижу позора в католицизме, если сравнить с двоеженством, которое покойному Александру все простили, или в лесбиянстве тетушки Олвен, о котором не говорили, а молча смирились.

У тетушки Бронвен было три сына и дочь, а муж работал в шахте. Тетушка Флорри жила совсем рядом с нами, и мы очень часто ее видели: бабушка просила ее присмотреть за детьми. Ее муж, рудничный рабочий, погиб на войне. Два мальчика – мой дядя Клем, попавший в тюрьму за фальшивки, и дядя Сэм, которого, кажется, никогда не бывало дома. Она однажды увидела дьявола, загнала его молитвенником на самый верх жилья и заперла в кладовке. Потом она попросила дедушку заложить эту дверь кирпичом, чтобы дьявол не вырвался. Много лет спустя, после ее смерти, он разобрал кирпич, и мы, сгорая от любопытства, вошли. Там стоял печатный станок. Дедушка его выбросил, но мы успели прихватить множество пустых бланков и порядочно свинцовых булавок.

³ Первая мировая. (Прим. ред.)

Мой дедушка Люк был младшим в семье и женился на моей бабушке Бекки, и у них было двое детей, Элизабет и Тэган. Моя мать Лиз вышла замуж за моего отца и родила нас. Тетушка Тэг замуж не выходила, потому что была занята – помогала нас растить. Во многом она больше походила на старшую сестру, чем на тетю.

Я по ней очень скучаю и по дедушке тоже.

Суббота, 6 октября 1979 года

Прекрасный день, лучший с тех пор, как я сюда попала.

Я успела в город до закрытия библиотеки и хотела записаться. Мне не позволили. Я проявила изумительную выдержку, не кричала, не повышала голос, ничего такого. Они сказали, что нужна подпись родителей и документ о месте жительства. Я объяснила, что из Арлингхерста, как будто они сами не видели по школьной форме. На выход мы должны надевать синие сарафаны в складочку, такой же джемпер и школьный плащ-дождевик (когда идет дождь, но дождь идет всегда, кроме сегодня, сегодня солнце) и форменную шляпку. Зимняя шляпка – берет, летняя соломенная. Шляпы для меня истинное наказание: норовят свалиться с головы на каждом шагу.

Библиотекарь, мужчина, совсем молодой, сказал, что в Арлингхерсте я могу пользоваться школьной библиотекой. Я сказала, что я и пользуюсь, но там нет того, что мне надо. Он тогда посмотрел на меня, поправил очки на носу, и я уже думала, что победила, но нет.

– Тебе понадобится подпись одного из родителей на этом бланке и письмо от школьного библиотекаря, подтверждающее, что тебе нужно пользоваться этой библиотекой, – сказал он. За его спиной уходили вдаль полки с книгами. Он даже побродить вдоль них не позволил.

Зато я нашла книжный магазин и маленькую толкучку. Торговый квартал в Освестри – это две улочки с рынком на перекрестке. Библиотека – типично викторианское здание – почти рядом. В прошлый раз я дальше нее не пошла – автобусная остановка под холмом, а библиотека у самой вершины. Но от нее дорога поворачивает влево, и я решила, что она выведет к остановке кружным путем. Не вывела, а завела в жилые кварталы, и я уже думала возвращаться, но за следующим поворотом открылся пруд с утками и белыми лебедями в окружении деревьев, а на другой стороне шеренга магазинов и среди них книжный.

Я купила «Тритон» Сэмюэла Дилэни. Может быть, у отца он уже есть, мне все равно. Стоил 85 пенсов. Продавщица очень милая. Фантастику она не читает, но старается обеспечить хороший выбор. По сравнению с кардиффским «Лирсом» выбор бедный, а так очень неплох. Я собираюсь попросить у отца карманные деньги на покупку книг. И чтобы он подписал библиотечный бланк. Он почти наверняка не откажется. Насчет письма от мисс Кэрролл я не так уверена.

Рядом с книжным был магазин подержанных товаров, и в нем три полки книг, все старые и потрепанные. Я купила за 10 пенсов «Я захватываю замок» Доди Смит. Мне нравится ее далматинский цикл, например «Звездный лай», который Мор всегда называла «Звонящими одеждами». Я и не знала, что она пишет исторические романы. Отложу книжку, пока не придет настроение штурмовать замок.

У меня еще осталось пять пенсов. За пять пенсов там ничего не нашлось. Третья лавочка в ряду оказалась булочной и кофейней. Я зашла, потому что Шарон меня просила купить булочки. Вот как это делается: ты сам покупаешь булочки, или кто-то покупает их для тебя. Потом передаешь пакет на кухню с запиской, и их добавляют к воскресному ланчу указанным полу-чателям. По правилам купить надо не меньше двух, только для себя покупать нельзя. Популярные девочки каждую неделю получают целые горы разных плюшек. Я обычно ни одной. У Дейдры мало денег, а Шарон еврейка. Но на этой неделе Шарон решила купить, потому что она хорошая. Я к тому, что со стороны Шарон это особенно мило, потому что сама она их есть не может. Иудеям полагается особая пища. Особая пища Шарон выглядит куда соблазнительнее нашей школьной. Ее приносят на подносе. Интересно, мне бы тоже дали, скажи я им, что иудейка? Но вдруг я недостаточно иудейка и от нее умру или заболею? Прежде чем попробовать, надо поговорить с Шарон. Так или иначе, Шарон просила меня купить булочки для себя, Дейдры и Карен, еще одной ее подруги. Так что я купила булочки – они продавались по десять

пенсов за штуку или четыре за 35 пенсов, так что я добавила своих пять и купила четыре. Они были медовые, еще теплые, и я прогулялась к пруду и съела одну. Объединение.

У пруда стояли скамейки, вокруг росла трава, и ивы макали ветки прямо в воду. Листья на склоненных ветвях уже желтеют. Мне всегда казалось, что «плакучая ива» им очень подходит, но и «вавилонская» тоже. Ивы любят воду, а вязы не выносят. Дорога через лощину Круггин называется «Хеол-и-Гверн», «Вязовая дорога», потому что вдоль нее посадили вязы, чтобы было надежно и сухо. Считается, что еще в неолите. Наверняка до римлян. История нашей долины – потрясающее чтение. Не знаю, смогу ли принимать ее как само собой разумеющееся, вернувшись обратно.

Я сидела на лавочке под ивой, жевала медовую булочку и читала «Тритон». Правда, в мире есть всякие ужасы, но есть и великие книги. Хотела бы я, когда вырасту, написать такую книгу, чтобы ее можно было читать на лавочке в не слишком-то жаркий день и забывать, где находишься и сколько времени, потому что ты не столько в своей голове, сколько в книжке. Я бы хотела писать как Дилэни, Хайнлайн или Ле Гуин.

Я едва успела на автобус до школы. Увидела его под холмом и хотела побежать, чтобы успеть, мне вспомнилось, как это – бежать во всю прыть, и я хотела было податься вперед и далеко выбрасывать ноги. Я даже один такой шаг сделала, но как оперлась не на ту ногу, ее словно железом проткнули. Шофер меня заметил, узнал форму и подождал. В автобусе было много девочек из школы, в основном из других классов. Почти все они знали или думали, что знают, что я хожу с палкой потому, что моя мать втыкает булавки в куклу вуду. Я села одна, но потом Джилл Скофилд из моего класса по химии перебралась ко мне.

– Что это ты опоздала? – спросила она.

– Зачиталась, – ответила я. – Забыла о времени.

– А не с мальчиком встречалась?

– Нет!

– Могла бы не возмущаться, половина девочек в этом автобусе были на свидании. Больше половины. Ты на них посмотри.

Я посмотрела. У многих полы сарафанов были подобраны, а губы подозрительно красные.

– Безвкусица! – буркнула я.

Джилл засмеялась.

– Я хочу заниматься наукой, – призналась она.

– Наукой?

– Да, настоящей. Я вчера читала про Лавуазье. Знаешь такого?

– Он открыл кислород, – кивнула я. – Вместе с Пристли.

– Да, и был французом. Аристократ, маркиз. Его гильюнировали при французской революции, и он сказал, что, когда ему отрубят голову, он будет моргать, пока в сознании. Он моргнул семнадцать раз. Вот это ученый! – закончила Джилл.

Странная она. Но мне нравится.

Воскресенье, 7 октября 1979 года

Дочитала «Тритон». Потрясающе. Но чем больше думаю, тем меньше понимаю, зачем Брон солгал Одри.

Сегодня в «час для писем» сочинила открытку с добрыми пожеланиями кузине Арвелл Пэрри и поздравление дяде Родри.

Почему же Брон лгал Одри?

Понедельник, 8 октября 1979 года

С одной стороны, бабушка с дедушкой о сексе вообще не упоминали. Должно быть, они им занимались, не то бы не было тетушки Тэг и моей матери, но, думаю, не больше двух раз. И как говорят о сексе в школе и в церкви. И никакого секса, и любви почти нет в Среднеземье, почему я всегда и думала, что мир без нее был бы намного лучше. Арвен – просто дань приличиям. Или сосуд для будущего полуэльфа – короля Гондора и Арнора. Приз. Лучше бы он взял в жены Йовин – она хотя бы сама по себе героиня, – и пусть бы нуменорцы вымирали. (Все равно, вы посмотрите на нас нынешних!) Стало быть, секс – необходимое зло для производства детей. Это нормально.

А как посмотришь на этих девиц в автобусе, и на мою мать с ее приятелями, и на девочек, которые ночью пробираются в постель к подружкам, так... ах и фи!⁴

С другой стороны, у меня самой бывают сексуальные чувства. А «Тритон», Хайнлайн и «Колесничий» наводят на мысль, что секс сам по себе не плох и не хорош, что его общество демонизирует, делает тошнотворным. А все эти варианты секса из «Тритона» – это, наверное, вроде спектра сексуальных отношений, на котором большинство мужчин и женщин где-то посередине, а некоторые ближе к краю – я на одном краю, а Ральф с Лори на другом. Что мне всегда нравилось в научной фантастике, это что она заставляет тебя задумываться и смотреть на вещи под таким углом, под каким раньше бы в голову не пришло.

Отныне я намерена положительно относиться к сексу.

⁴ Валлийское восклицание, выражающее отвращение.

Среда, 10 октября 1979 года

Если бы школа нарочно ставила целью отрезать нас от волшебства, лучше бы и устроить нельзя. Может быть, изначально и была такая цель. Наверняка никто здесь ничего об этом не знает, но ведь Арлингхерст существует больше сотни лет.

Мы ничего не готовим, мы полностью отрезаны от того, что едим, а еда невероятно мерзкая. Вчера, к примеру, на обед были нагетсы с безвкусным картофельным пюре и переваренной капустой. Вместо пудинга выдали на шестерых по тарелке густого заварного крема с половинкой грецкого ореха посередине. Называлось это «Гавайская радость». По меньшей мере раз в неделю нам полагается «Гавайский сюрприз», тоже кремовый и с засахаренной вишенкой. Я не люблю ни засахаренных вишен, ни орехов, и кое-кто ставит мне в заслугу, что я не участвую в сварах за это лакомство. Заварного крема я тоже не люблю, но иногда с голоду и его готова съесть. Даже нарочно невозможно придумать худшей еды и более далекой от природы тоже. Когда ешь яблоко, оно связывает тебя с яблоней. А заварной крем с засахаренной вишенкой ни с чем не связывает.

Кстати, о еде: у нас нет своих тарелок, и своих ножей, и вилок или чашек. Все общее и раздается кому попало. Нет надежды к чему-нибудь привязаться, одушевить привязанностью. Здесь все бесчувственное: и стулья, и чашки. Никто ничего не любит.

Дома я жила в окружении вещей, которые хотя бы смутно сознавали, чьи они. Дедушкино кресло так же, как он сам, не одобряло, когда в него садился кто-то другой.

Бабушкины блузки и свитера подстраивались так, чтобы скрыть ее отсутствующую грудь. Туфли матери так и вибрировали сознанием. Наши игрушки присматривали за нами. В кухне имелась картофелечистка, которая не давалась бабушке. Обычный ножик с коричневой ручкой, но она раз порезалась, и с тех пор эта штука жаждала еще ее крови. Я, когда рылась в кухонном ящике, так и чувствовала, как она ждет. После бабушкиной смерти это сошло на нет. Еще были кофейные ложечки, свадебный подарок. Серебряные, они считали себя выше других, особенными.

Здесь вещи вообще ничего не делают. Кофейные ложечки не мешают кофе сами собой. И не ведут со щипцами для сахара споров, кто дороже хозяевам. (Мы всегда чувствовали, что вот-вот заведут.) Наверное, это было в основном психологическое действие. Они утверждали прошлое, связывали все, как нити в ткани ковра. Здесь ткани нет, каждый брэнчит сам по себе.

Еще одно письмо. Я не вскрывала. Но очень даже отметила из-за всего этого. Оно исполнено смысла: зловещего, но все же смысла. Все вокруг него звучит приглушенно.

Четверг, 11 октября 1979 года

Мисс Кэрролл без заминки согласилась написать письмо в библиотеку.

— Я заметила, что ты дошла до чтения Артура Рэнсома, — сказала она.

На самом деле Рэнсом мне нравится. Я бы не сказала, что «дошла». Конечно, я его давным-давно всего перечитала, но с удовольствием. Есть что-то симпатичное в откровенно детских книжках без всякого секса и со счастливыми концами — в Рэнсоне, Стритфильд и тому подобном. Они не «на вырост», и заранее знаешь, что получишь, но получишь ты милую здоровую историю о ребятах, которые возятся с лодкой, учатся танцам и тому подобное, и у них будут маленькие победы и маленькие катастрофы, и в конце концов все обернется к лучшему. Это бодрит, особенно после читанного вчера Чехова. Хорошо, что я не русская.

Но раз это на шаг приблизило меня к читательскому билету, я только улыбнулась. Если только *он* пришлет подписанный бланк, получу билет уже на этих выходных. Не надо мне было так называть его: «он». Но трудно выбрать, как его называть? Как бы вы стали называть отца, с которым только что познакомились? «Папа» — просто смешно. Но, хоть его и зовут Даниэль, называть так было бы странно.

Пятница, 12 октября 1979 года

Письмо от отца пришло с первой почтой, в нем десять фунтов (!) и подписанный бланк. Он пишет, что деньги на покупку книг, но я куплю и немножко булочек.

Я поговорила с Шарон насчет иудейской пищи. Она сказала: им Бог велит, что есть, что не есть, и еда эта особенная, но другим не вредит. Говорит, что хлеб вкусный, но всегда немножко черствеет, пока доходит из Манчестера. Похоже, быть иудейкой – хлопотливое дело, и мне бы совсем не понравилось ничего не покупать по субботам, тем более что нас только тогда и отпускают из школы. Но, может быть, дело того стоит.

Разговорить ее на эту тему было непросто. Ее часто дразнили, и она привыкла, что люди такого побаиваются, и вполне благоразумно старается поменьше рассказывать. Пришлось рассказать про еврейского отца моего отца. Она сказала, что это вовсе не делает меня еврейкой, что нельзя быть еврейкой отчасти, а передается это от матери. Она сказала, если я хочу стать иудейкой, мне потребуется обращение.

Я припомнила, как миссионер приходил в церковь с рассказами про обращение язычников. Он говорил, что некоторые притворяются обращенными за дармовую еду, а потом при любом затруднении возвращаются к прежним языческим богам. Таких он называл «рисовые христиане». Я, пожалуй, могла бы стать «рисовой иудейкой».

С другой стороны, это точно доведет дедушку до припадка. Моя мать наверняка ему расскажет в надежде, что у него случится новый удар.

Суббота, 13 октября 1979 года

Погода на неделе резко переменялась. В прошлую субботу было довольно тепло и солнечно, осень нехотя оглядывалась на лето. Сегодня сырой шквалистый ветер, осень так и прет в зиму. Земля скользкая от палых листьев. Освестри выглядит еще хуже обычного. Теперь, когда Джилл мне показала, я замечаю, что девочки в автобусе пускают по кругу запретную губную помаду и хихикают. Мне они напомнили Сьюзен из «Последней битвы». Я замечталась, будто знакоюсь с Клайвом Льюисом, хоть и знаю, что он умер. Даже неловко признаваться.

Я вошла в библиотеку, вооружившись письмом и подписанным бланком, и увидела приветливую библиотекаршу, которая наверняка и без них меня бы записала. Она на них почти не смотрела. Теперь у меня билет с кармашком для восьми карточек, которые позволяют взять восемь книг в любое время – а фактически в субботу утром, когда я могу выбраться в город до полудня. Еще она мне сказала, что, если мне понадобится что-то, чего у них нет, для читателей до шестнадцати межбиблиотечная рассылка бесплатно. Так что я могу заказать, что хочу, и они для меня выпишут. Мне только нужно знать автора и название. Я составлю список из книг, перечисленных на титульном листе других книг, и возьму их на следующей неделе. Она сказала, они могут получить любую книгу, изданную в Британии, и даже не важно, если тираж уже распродан. Она предложила присылать мне уведомление, но я сказала, что не надо, пусть сэкономят деньги от рассылки на покупку книг, а я просто буду приезжать раз в неделю и забирать, что они получили.

Межбиблиотечная рассылка – чудо света и слава цивилизации.

Библиотеки – это чудо. Они даже лучше книжных магазинов. В смысле книжные магазины ведь зарабатывают на продаже книг, а библиотекари просто сидят и одалживают вам книги по доброте душевной.

Потом я провела счастливый час среди полок, которые похожи на школьную библиотеку тем, что на них тоже попадаются жемчужины, но довольно редко. И научная фантастика стоит вперемишку с остальным, так что искать приходится дольше. Восемь книг оттягивали мне руки, а дождь хлестал в лицо, и я подумывала, не вернуться ли в школу читать их в уюте своей библиотеки. Но хотелось еще заглянуть в книжный, и хотя восемь книг – это звучит (и весит) солидно, но не настолько, чтобы хватило на неделю. Я теперь обычно читаю рано утром, если проснусь до звонка, и три часа обязательных спортивных игр, и на скучных уроках, и на самоподготовке, когда доделаю задание, и в свободные полчаса после, и полчаса, которые нам позволяют в постели, пока не погасят свет. Так что в обычный день я дочитываю две книги.

Поэтому я потихоньку пошла вниз к книжному. Ветер хлестал ветвями ив по воде. Желтые листья почти все облетели и плавали в озерке. Лебедей я не увидела. Но заметила, что за озерком тоже растут деревья.

Я сделала пару покупок. Хотелось бы знать, на сколько надо растягивать эти десять фунтов. Большинство книг стоят по 75 пенсов, толстые дороже. Сбежав, я бросила много книг. Можно было бы возместить потерю, но и новое читать хочется. Я купила новый сборник Типтри. В нем предисловие Ле Гуин, значит, ей его рассказы тоже нравились! Чудесно, когда любимые писатели нравятся друг другу. Может, они дружили, как Толкин с Льюисом. В магазине лежала новая книжка Хамфри Карпентера – биографии всех Инклингов, в твердом переплете. Закажу в библиотеке.

После книжного магазина я проверила полки с подержанными и там тоже кое-что купила. Теперь у меня было столько книг, что я еле шла, и нога, конечно, жутко разболелась. В дождь всегда так. Я не просила, чтобы мне подменили здоровую ногу на скрипучую ржавую флюгарку, но и никто, надо думать, не просит. Я бы согласилась на куда большие жертвы. Я готова была умереть, а Мор и умерла. Надо считать это боевым ранением, шрамом старого солдата.

Фродо лишился пальца и надежды на счастье. Толкин знал, что бывает, когда книжка кончилась. Потому что это уже после конца – все очищение Шира и попытка прижиться во временах, которые не должны были наступать после славной последней битвы. Я спасала мир, по крайней мере верила в это, и мир уцелел вместе с закатами и межбиблиотечной рассылкой. А до меня ему дела нет, как Ширу не было дела до Фродо. Но это не важно. Моя мать – не темная королева, прекрасная и грозная. Она сама запуталась в своей злости, как паук в паутине. Я от нее спаслась. И Мор она уже ничего не может сделать.

Я зашла в булочную, села за столик у окна, съела корнуэльский пирожок и медовую булочку, задумчиво поворачивая туда-сюда чайник. Я не люблю чай, а кофе того меньше; пахнет он приятно, но на вкус гадость. Вообще-то я пью только воду, в крайнем случае могу выпить лимонада. Но вода лучше. Зато чайник можно вертеть, и никому не видно, допила ли ты, особенно если вообще не пила, и есть предлог посидеть подольше, почитать и отдохнуть.

Я так и сделала, а потом купила четыре медовые булочки с собой, на сей раз за свои деньги. Одну для Дейдры, одну для Шарон, хотя она, конечно, не сможет ее съесть, так что эта тоже достанется мне, еще одну для себя и одну для Джилл. На прошлой неделе я получила булочку от Шарон, а на этой она получит от меня. Это скорее символ, чем настоящая булочка, хотя, видит бог, и настоящая хороша. Для Карен я покупать не стала, потому что Карен обзывает меня Ковыляшкой, а по мне это противнее остальных кличек.

Комми звучит почти ласково, а от Тэффи никуда не денешься, но Хромуша и Ковыляшка – это уже по злобе.

Потом я спросила у продавщицы про пруд:

– Там парк?

– Парк, милая? Нет, там край поместья.

– Но у пруда стоят скамейки. Как в парке.

– Их муниципалитет поставил, чтобы люди могли посидеть. У дороги, она-то муниципальная, так что это можно бы назвать и парком, но цветы там не сажают. А то, что видно за прудом, деревья и все такое, это принадлежит поместью, и там сразу наткнешься на таблички: «Прохода нет», потому что там водятся фазаны. В августе у них брачный период, нам все слышно.

Стало быть, поместье с загородным домом, лесничим и прочим, но ради фазанов его оставляют полудиким. Наверняка там повсюду фейри.

Воскресенье, 14 октября 1979 года

После обеда выслушала нотацию и получила «отметку о поведении» – первую здесь. Очевидно, не положено передавать булочки девочкам не из твоего класса или Дома, если вы не в отношениях. А Джилл, хоть мы и занимаемся химией в одном классе, не из моего класса и Дома, так что мне с ней дружить не положено, и моя булочка вызвала серьезные подозрения насчет лесбийских отношений. Ну и пусть. Мне дела нет. Я ничего такого, но определенно согласна на этот счет с Хайнлайном и Дилэни.

Даже Дейдра с Шарон сказали, что не стоило мне передавать Джилл булочку. Дейдра пыталась меня оправдать, мол, я не разобралась, потому что новенькая и, может быть, у меня от химии мозги спеклись.

Никогда я не разберусь в здешних порядках.

Понедельник, 15 октября 1979 года

Я не ответила на письмо. Но она продолжает мне писать и слать такие вот фотографии. Я каждую неделю получаю одно-два письма. Так хочется увидеть Мор, что я вскрываю конверты, но письма сразу никогда не прочитываю. Оставляю на библиотеку, потому что не вынесу, если кто увидит, как я читаю. А сегодня Лоррейн Паджетер подхватила сильную простуду, зашла в библиотеку и застала меня с одной из тех порезанных фотографий. Лоррейн – блондинка с широкой костью, капитан классной хоккейной команды и центровая в регби первой группы. Она, конечно, меня обзывает и щиплет, но другим не позволяет ставить мне подножки в душевой, так что я против нее ничего не имею. Сегодня у нее совсем красный нос и по-настоящему жалкий вид, и ее не пустили на любимую игру. Я подслушала, как она упраскивает учительницу, нельзя ли ей завернуться потеплее и пойти посмотреть.

– Это что, Морвенна? – спросила она.

Я не хотела показывать, что меня это волнует, а она бы поняла, если бы я спрятала, поэтому я бросила фотокарточку на стол перед ней. Она взяла и посмотрела. На фотографии нам обеим вручали награды за выступление в школе, только я была, как обычно, выжжена.

– Моя мать ведьма, – небрежно бросила я.

Лоррейн ахнула и выронила снимок.

– Это вуду? – прошептала она.

Я сама хотела бы знать. Я ведь не знаю, как это действует, ну и если так посмотреть, какой смысл выжигать кого-то на фотографии? Что от этого будет? К чему приведет? Я потянулась за своим деревянным оберегом, но его, конечно, не было. Его нельзя носить с формой. У меня в кармане лежал камешек, я прикоснулась к нему. Не знаю, помогает ли это, но точно успокаивает. И я потрогала деревянный библиотечный стол, выглаженный временем и сотнями рук.

– Вроде как, – спокойно сказала я. – Она меня выжигает, а я вроде как в порядке.

– Но ведь это ты, – возразила Лоррейн так громко, что мисс Кэрролл на нас оглянулась.

Про Мор Лоррейн, разумеется, не знает. Я о ней не упоминала, во-первых, потому что это личное, во-вторых, терпеть не могу жалости, и, в-третьих, если станут дразнить этим, то совсем плохо. Если меня дразнить насчет Мор, я могу и сорваться.

– Да ну? – проговорила я и потянулась за снимком. – Эту я еще не рассмотрела. Обычно она меня выжигает. Но я-то под защитой. Если она займется моими подругами, ужас что будет.

Лоррейн ахнула и отошла подальше, села на другом конце комнаты, притворилась, будто читает «Унесенных ветром». И больше сегодня не приставала. «Пусть боятся, лишь бы повиновались» сработало даже лучше обычного, но вот Дейдра с Шарон тоже меня сторонятся, а от этого ужас как одиноко.

Вторник, 16 октября 1979 года

Знаете, классовая принадлежность вроде волшебства. Не во что ткнуть пальцем, и стоит начать анализировать – все испаряется, но она существует и влияет на поведение людей.

У Шарон денег, наверное, больше всех в нашем классе. Мы в нижнем пятом, что в нормальном контексте так бессмысленно, что я злюсь, стоит об этом вспомнить. Отсчет начинается с «верхнего третьего». Теоретически существует еще «начальная школа», которая начинается с первого, с семилеток. На самом деле ее не существует, и сказывается она только в этой забавной нумерации. Добравшись до шестого, нижнего и верхнего, они стыкуются с системой остального мира, в котором учатся с первого по четвертый в младшей школе и с первого по шестой в средней. Арлингхерст, обратите внимание, учит среднюю школу с первого по шестой, просто считает по-дурацки.

Мы, собственно, нижний пятый С. Еще есть А и В, только, упаси боже, нас не делят на потоки, ничего такого. Хотя на самом деле делят, потому что Джилл и вся химическая группа из А и они явно умнее. Я по отметкам должна быть в А, но из группы в группу переводят только в конце полугодия. Библиотекарь мисс Кэрролл сказала, что меня бы перевели в А на Рождество, только тогда придется перекраивать все расписание, а значит, я останусь с тупицами до следующего сентября. Она об этом говорила так, будто это мне урок, чтобы знала свое место, но я рада, что отстояла химию. Жаль, что уступила насчет биологии.

Система Домов идет отдельно от классной. На классы делят по горизонтали, а на Дома по вертикали. В каждом из четырех Домов есть девочки из всех трех классов. Дома соревнуются между собой за кубки – самые настоящие серебряные кубки, их держат в Зале. Дома называются по викторианским поэтам. Я в Доме Скотта. Еще есть Китс, Теннисон и Вордсворт. Ни Шелли, ни Байрона, надо полагать потому, что эти двое числятся не вполне приличными. Бабушка любила их всех, кроме, как ни смешно, Скотта. Классная система определяет уроки, а Дома – все остальное, в частности игры, но еще и очки, которые зарабатывают и теряют за поведение. Нам положено горячо болеть за свой Дом и его место в соревновании и заботиться о своих, в каком бы классе те ни учились. Нечего и говорить, что мне на это плевать. Это в чистом виде «гранфаллон», и я очень благодарна Воннегуту, подарившему мне это слово.

Так или иначе, я хотела поговорить про социальные классы. В нижнем пятом С – единственном, где мне знакомы все ученицы, семья Шарон самая богатая. Она чаще других девочек ездит на каникулах за границу, ее отец врач, у них большой дом и большая машина. Но в классовом отношении она котируется довольно низко из-за тех неуловимых влияний, что действуют на манер волшебства. У нее нет своего пони, хотя они могли бы себе позволить. У них есть плавательный бассейн, но пони нет, потому что ее родители не считают это важным. Она на Рождество катается на горных лыжах, но в Норвегии, потому что ее родители не хотят ни в Германию, ни в Швейцарию.

У родителей Джули денег совсем не много. Форма ей перешла от сестры. У них старая машина. Но ее сестра – Староста, а ее мать была идеалом и выиграла для Вордсворта теннисный кубок – она тоже принадлежала к этому Дому. В зале для игр висит черно-белая фотография матери Джули с кубком. И под фотографией подпись: «дост. Моника Вентворт», потому что отец матери Джули – виконт. Джули не достопочтенная, но числится классом выше всех по своей матери. И не только из-за нее, а из-за достопочтенности, кубка и школьных традиций. Джули не слишком-то умна, но хорошая спортсменка, а это намного важнее.

В верхнем четвертом есть толстая смешливая девчонка – леди Сара. Ее отец – граф. Думаю, Джули стала бы прислушиваться к ее мнению, но не уверена. Класс – это не чистый снобизм, тут много всякого. И все из-за него с ума сходят. Чуть ли не первый вопрос, который мне задали: какая у моего отца машина. Ответ «черная» не устроил. Они не поверили, что я

не знаю. А я не сказала, что видела ее всего пару раз и не интересуюсь машинами. Оказалось – «Бентли» (я спросила в письме), вполне приемлемая марка. Но какое им дело? Они хотят всех точно расставить по местам. Конечно, они быстро разобрались, что я никто и ниоткуда: ни пони, ни титула, да еще из Уэльса. Я заработала очки на доме, где живет отец, – они считают по отцам. У некоторых родители в разводе – например, у бедняжки Дейдры, – но даже если девочка живет с матерью, в счет идет отец.

Классовые отношения совершенно неосязаемы, их влияние не поддается научному анализу и как бы не существует, но действует мощно и неотступно. Вот видите – как волшебство.

Среда, 17 октября 1979 года

Когда вырасту и прославлюсь, ни за что не признаюсь, что училась в Арлингхерсте. Сделаю вид, что и не слыхала о таком. А если спросят, где я училась, уйду от ответа.

Здесь не я одна такая. Здесь есть карассы. Точно есть, могут быть.

Четверг, 18 октября 1979 года

Школа из любого может сделать коммуниста.

Я сегодня прочитала «Коммунистический манифест» – он совсем короткий. Это было бы как жить на Анарресе. Я бы в любую минуту поменялась.

Пятница, 19 октября 1979 года

Я любила Мор, но не ценила, как следовало бы. Я никогда по-настоящему не понимала, насколько чудесно, когда всегда есть с кем поговорить, и этот человек знает, о чем тебе хочется говорить, и можно поиграть с человеком, который понимает, что тебе нравится.

Осталась всего неделя до каникул.

Суббота, 20 октября 1979 года

Слава межбиблиотечной рассылке. Они нашли мне «Залог любви» и «Последние капли вина»!

На прошлой неделе вернула восемь книг. И взяла пять других знакомых авторов и еще «Мага». Про такого автора (Фаулз) впервые слышу, но что там, книга-то про волшебника!

Заказала двадцать восемь книг из списков на титульных листах. Библиотекарь – мужчина – малость опешил, но шуметь не стал.

Лило как из ведра, и листья с деревьев все опали. Я снова заходила в кафе-пекарню, потому что другие девочки туда не ходят, а в настоящих городских кафе их полно. Потом сходила посмотреть на пруд, и меня обшипел лебедь. На берегу туфли вязли в грязи, но я зашла под деревья поискать фейри. Один или двое там были, но разглядеть не удалось, и разговаривать не желали, что очень жаль, потому что, не считая письма от отца, я неделю без разговоров.

Воскресенье, 21 октября 1979 года

Джеймс Типтри мл. – женщина! Ничего себе!

Вот никогда бы не догадалась. Боже мой, Роберт Силверберг, наверное, сейчас таким идиотом себя чувствует! Хотя, ручаюсь, ему все равно. (Напиши я «Умирающего изнутри», я бы тоже в жизни не волновалась, что меня одурачили. Может, это самая тяжелая на свете книга, в смысле, не уступает Гарди и Эсхилу, но просто блестящая.) И рассказы у Типтри хороши, хотя до «Девочки, которую подключили» ни один не дотягивает. Пожалуй, ее можно понять, ради признания, но Ле Гуин добилась признания и без этого. Она заслужила «Хьюго». Кажется мне, Типтри в некотором смысле пошла по простому пути. Но, если вспомнить, как ее персонажи любят маскироваться и сбивать с толку, – может, она тоже? Наверное, все авторы прячутся за персонажами, как за масками, и она прикрылась мужским именем, как еще одной маской. Если на то пошло, напиши я «Любовь – это план, а план – это смерть», тоже постаралась бы скрыть, где я живу.

Сегодня я одна осталась без булочки, ну и пусть. Даже Дейдра одну получила от Карен. Дейдра бросает на меня странные озадаченные взгляды, это на самом деле хуже всего. Теперь я лучше понимаю, почему Тиберий так держался за Сеяна. И еще понимаю, откуда его странности. Остаться одной – а я осталась одна – не так приятно, как мне казалось. Не от этого ли люди обращаются ко злу? Мне не хочется.

Я написала тетюшке Тэг, как могла бодро. И еще написала отцу в надежде, что уговорю его свозить меня ее навестить и еще бабушку в больницу. Теперь у меня только они и остались. Он точно не захочет их видеть, но мне бы можно, а он бы мог подождать в машине. Было бы по-настоящему приятно повидать людей, которые меня любят. Еще пять дней до конца четверти и возможности на неделю отсюда убраться.

Понедельник, 22 октября 1979 года

Сегодня на химии Джилл взяла и села со мной. С ее стороны это очень смело, учитывая, как держатся остальные.

– Ты не считаешь меня прокаженной вудуисткой? – напрямик спросила я, когда урок кончился.

– Я за науку, – ответила она, – я ни во что такое не верю. И знаю, что ты нажила неприятности, послав мне булочку.

Был обеденный перерыв, и мы вместе пошли в столовую. Мне все равно, кто что подумает. Она сказала, что художественную литературу читает довольно мало, но даст мне почитать научные статьи Азимова – называется «Левая рука электрона». У нее три брата, все старше нее. Старший в Оксфорде. Они все тоже ученые. Мне с ней нравится. Спокойно.

«Маг» оказался очень странным. Не уверена, что мне нравится, но не терпится к нему вернуться, и я все время о нем думаю. Это на самом деле не о волшебстве, хотя атмосфера как раз такая. Странное чтение – он все идет по пахнущему тимьяном острову, как мы когда-то ходили. Мы запросто могли пройти несколько миль по драму до Луидкоэда или Кумдара. В Пендерин мы обычно ездили автобусом, но раз дошли пешком через холмы – не один час шагали. Мне понравились виды там наверху. Мы ложились в траву, и высматривали в небе жаворонков, и подбирали оставленные овцами клочки шерсти, расчесывали и дарили фейри.

Вторник, 23 октября 1979 года

С ногой сегодня очень плохо. Бывают дни, когда я кое-как хожу, а бывают и другие. Наверное, можно сказать: бывают дни, когда лестницы – беда, а бывают – когда пытка. Сегодня определенно второе. Получила еще одно письмо, чтоб ему пропасть. Надо бы их сжигать или еще что. В них столько злобы, что насквозь просвечивает. Мне это видно, когда смотрю краем глаза, хотя, может быть, это просто от боли. В пятницу кончается четверть. Отец заберет меня в шесть. Он не написал, куда мы поедem, но лишь бы отсюда. Взять с собой письма я не смогу, хотя и оставить их нельзя.

Сомневаюсь насчет концовки «Мага». Она даже двусмысленнее, чем в «Тритоне». Кому надо писать две последние строчки на латыни, которую почти никто не прочитает? Книга библиотечная, но я все-таки легонько подписала карандашом перевод:

Завтра будет любовь для лишенных любви и для любящих будет любовь.

Значит, Алисон его полюбит, надо понимать. Как будто прежнего было мало! Он захотел-то ее, только когда решил, что она умерла.

Последняя часть книги, опять в Лондоне, когда Николас хочет вернуть тайну, какой бы она ни была, – это как раз то, чего мне не хочется. Напрасно я пыталась завести разговор с фейри. Пусть кто-то другой лечит вязы от голландской болезни. Это не мое дело. Хватит с меня спасать мир, и никакой благодарности я все равно не жду. Меня сверлит эта дурацкая, нудная монотонная боль, и тут я слишком хорошо понимаю Николаса, потому что кто бы этого не пожелал? Но в то же время мне не хочется быть такой жалкой, как он.

Четверг, 25 октября 1979 года

Дождя не было в кои-то веки, и ноге моей чуточку легче, поэтому в полчаса после самоподготовки я вышла погулять. Прошла по краю игровой площадки до канавы, где раньше видела фейри, и сожгла все письма на костре. Было почти темно, и вспыхнули они с одной спички очень ярко, может потому, что часть она уже выжгла и бумага тосковала по огню. «Ненависть часто оборачивается против себя», сказал бы Гэндальф. Часто, но не всегда. Полагаться на это нельзя, но довольно часто случается.

Мне полегчало, как только они загорелись. Несколько фейри вышли и стали плясать у костра, как у них водится. Мы звали таких саламандрами и огневками. Они удивительной расцветки, голубые переливы сменяются оранжевыми. Почти все делали вид, что меня не замечают, но одна искоса поглядывала. Она обернулась желтым пятном на коре вяза, как только заметила мой взгляд, так что я поняла, что она знает, о чем я раньше спрашивала.

– Что мне делать? – спросила я жалобно, хоть сама вчера осуждала жалкого Николаса.

Стоило мне заговорить, все они скрылись, но она чуть погодя вернулась. Здешные не совсем такие, как фейри у нас дома. Может, это потому, что они живут не в руинах. Кажется, фейри всегда предпочитают места, куда вернулась дикая природа. Мы недавно проходили по истории огораживания. Когда-то вся нераспаханная земля принадлежала общинам и крестьяне могли пасти на ней своих овец, собирать хворост и ягоды. Она принадлежала не кому-то конкретно, а всем вместе. Ручаюсь, те земли были полны фейри. Потом помещики добились от народа согласия разгородить землю и превратить участки в настоящие опрятные фермы, а люди и не понимали, как тесно им будет без общинных земель, пока их не отобрали. В сельской местности должны быть прожилки диких земель, без них она задыхается. Деревня в чем-то даже мертвее городов. Здесь канава и деревья только потому, что стоит школа, а деревья у книжного магазина – уже край поместья.

Эта фейри ничего мне не сказала, даже нескольких слов, как то фейри, что было на дереве. Но желтое пятнышко все поглядывало на меня, робко так, и я знала, что она поняла. Вернее, я знала, что она *что-то* поняла. Что – не уверена. Фейри, они такие. Даже хорошие знакомые, которым мы дали имена и с которыми все время разговаривали, иногда бывали такими вот странными.

Потом все они снова пропали, а от бумаги остался один пепел – бумага быстро прогорает, – а Руфь Кэмпбелл меня поймала и сняла десять баллов за поведение из-за костра. Десять! Чтобы перекрыть один балл за поведение, нужно три «домашних» балла – нечестно, я бы сказала. Впрочем, я за эту четверть заработала сорок домашних баллов отметками и первенством в классе. А за поведение одиннадцать баллов, это отменяет тридцать три из тех. Дурацкая система, и не стоило бы о ней думать, но *по правде* – разве это справедливо?

Самое удивительное, что Руфь расстроилась больше меня. Она – староста Скотта, и, снимая с меня десять баллов, она вредила собственному Дому, а ей это гораздо важнее, чем мне. За десять баллов по поведению оставляют без отпуска в субботу, так что я не смогу выйти в город, но раз четверть все равно заканчивается, это не в счет. У меня и так хватило бы домашних баллов, чтобы их перекрыть, но лучше бы так больше не попадаться.

О, и вовсе я не могла поджечь школу. Костерок был крошечный, я за ним следила, и я уже не первый год развожу костры. Я знала, что делаю. А если бы и не знала, он был далеко от зданий, земля после дождей пропитана водой, и канава полна воды. И еще кругом полно мокрых листьев, которыми при малейшей угрозе можно было забросать огонь, но угрозы-то не было. Я приняла баллы за поведение, потому что точно не хотела разбираться с учителями. Лучше без них. И еще Руфь отобрала у меня спички.

Мне очень полегчало после уничтожения писем. Без них мне гораздо лучше.

Пятница, 26 октября 1979 года

Весь день в школе чувствуется скрытое волнение. Всем не терпится уехать. Все обсуждали планы на неделю, хвастались. Шарон, счастливица этакая, уехала утром, потому что иудеям нельзя путешествовать вечером с пятницы на субботу. А что будет, если нарушить запрет? Это вроде множества гейсов.

Нескольких девочек забрали сразу после дневных уроков. Остальные подсматривали из окон библиотеки, на каких машинах приехали и во что одеты их матери (в основном были матери). Дейдру забрала старшая сестра в белом мини. Боюсь, ей этого не простят. Кажется, матерям положено приезжать в «Барбери» и с шелковыми платками на голове. «Барбери» – это марка плащей.

Меня никто не спросил, как одевается моя мать, потому что никто со мной не разговаривает. Но это только к лучшему. Она надевает каждую третью вещь из гардероба и так гоняет его по кругу в странном, только ей понятном порядке. Не знаю, волшебство это или просто сумасшествие. Различить их очень трудно. Иногда она выглядит абсолютно чокнутой, а в другой раз вполне нормальной. Нормальность обычно выпадает на время, когда ей это выгодно – например, когда надо выглядеть скромной и респектабельной перед судом, где я в последний раз ее видела. Давным-давно, когда она содержала детский сад, тоже выглядела вполне прилично – но тогда еще жива была бабушка, она умела держать ее в рамках. А я видала, как она ходит по магазинам в свадебном платье, носит в июле зимнее пальто и раздевается чуть не догола в январе. Волосы у нее длинные и черные, всегда расчесаны и уложены так, что похожи на змеиное гнездо. В «Барбери» и шелковом платке она бы выглядела как на маскараде, словно принесла одежду в жертву на алтаре.

Отец примчался в потоке родителей, и никто мне о нем ничего не сказал. Он похож на самого себя. Боюсь, что я снова поглядывала на него исподтишка. Сама не знаю почему, это же нелепо, после того как мы все прошедшее время по-человечески переписывались. Он привез меня обратно в Олдхолл.

– Переночуем здесь, а завтра поедем, чтобы познакомить тебя с моим отцом, – сказал он. Фары освещали дорогу далеко впереди. Я видела, как отскакивают с обочины кролики и как освещаются и снова пропадают в темноте скелеты ветвей. – Остановимся в гостинице. Ты когда-нибудь останавливалась?

– Каждое лето, – ответила я. – Мы ездили в Пемброкшир и по две недели жили в гостинице. Каждый раз в одной и той же. – Я почувствовала, что голос гложет от слез, и проглотила всхлип. Как было весело. Дедушка возил нас на разные пляжи, и к замкам, и к менгирам. Бабушка рассказывала разные истории. Она была учительницей, как вся моя семья, хотя я твердо решила выбрать другое. Она любила каникулы, когда не приходилось готовить, когда ей с тетюшкой Тэг можно было расслабиться и посмеяться вместе. Иногда приезжала моя мать и сидела в кафе, курила и заказывала диковинные блюда. Мне, естественно, было лучше в те годы, когда она с нами не ездила. Но в Пемброкшире ее гораздо легче было обойти, и сама она становилась как-то мельче. Мы с Мор играли в собственные игры, и еще в гостинице всегда бывали другие дети, которых мы могли втянуть в наши игры или в развлечения, устраивавшиеся родителями.

– Там хорошо кормили? – спросил он.

– Замечательно! – сказала я. – Были особые лакомства вроде дыни и скумбрии.

Дома нам таких деликатесов не перепадало.

– Ну, и там, куда мы едем, тоже будут хорошо кормить, – сказал он. – А в школе как с едой?

– Кошмар! – ответила я и насмешила его описанием. – А никак нельзя мне съездить в Южный Уэльс?

– Свезить тебя, как ты просила, я не смогу. Но если захочешь съездить на пару дней поездом, почему бы и нет?

Я сомневаюсь, потому что поезд оказался бы ловушкой, а там, что ни говори, она, и, если бы она меня захватила, не знаю, что бы я делала. Но, может быть, она до меня и не доберется. Не узнает. Я не буду делать ничего волшебного.

В Олдхолле, когда мы наконец доехали, тетки сидели в гостиной. Это такая комната, куда люди собираются для беседы. Только они не беседовали. Я их поцеловала, потом сделала остановку у полок Даниэля и ушла спать с «Концом вечности».

Суббота, 27 октября 1979 года

Я и не знала, что Лондон такой большой. Он тянется без конца. Он вроде как подбирается к тебе, и оглянуться не успеешь, он уже повсюду. На окраинах еще есть просветы, а потом все гуще и гуще застроено.

Отца моего отца зовут Сэм. У него забавный выговор. Интересно, его тоже дразнили Комми? Он живет в той части Лондона, которая называется Майл-Энд, носит ермолку, но в остальном ни капельки не похож на еврея. Волосы у него – их еще много осталось, хоть он и старый – совсем белые. Он носит вышитый жилет, очень красивый, хотя и немного потертый. Он ужасно старый.

В машине мы с отцом говорили только о книгах. Про Сэма он не упоминал, только сказал, куда мы едем. Я больше думала про Лондон и гостиницу, так что приезд оказался немножко неожиданным. Отец дал условленный гудок, открылась дверь, и вышел Сэм. Отец представил нас еще на улице, и он меня обнял и отца тоже обнял. Я поначалу немного стеснялась, потому что он не похож ни на кого из моих знакомых и совсем не похож на дедушку. С моим отцом и его сестрами легко держать дистанцию, и как-то даже в мыслях держишь дистанцию, потому, наверное, что они англичане. А Сэм не англичанин, совсем нет, и он как будто сразу же меня принял, между тем как с ними мне все время страшно, как на экзамене.

Сэм провел нас в дом, представил своей домохозяйке как внучку, и она сказала, что видит сходство.

– Морвенна делает честь моей семье, – ответил он, как будто не первый год меня знает. – Обратите внимание на цвет волос. Как у моей сестры Ривки, *зихроно ливраха*.

Поймав мой непонимающий взгляд, он перевел: «Будь благословенна ее память». Мне это понравилось. Милый способ сказать, что кто-то умер, не прервав разговора. Я спросила, как это пишется и на каком языке. Это иврит. Сэм сказал, что иудеи молятся на древнееврейском. Может быть, когда-нибудь я смогу вот так буднично сказать: «Моя сестра Мор, *зихроно ливраха*».

Потом он провел нас в свою маленькую комнату. Должно быть, странно занимать верхний этаж в чужом доме. Заметно, что у него нет денег. Я бы поняла, даже если бы не знала. В комнате стоит кровать, есть раковина и один стул и повсюду груды книг. Еще туалетный столик, заваленный книгами, и такой электрический самовар и зеркало. И еще кот, большой, жирный, рыжий с белым, а зовут его Председатель Мао или, может быть, Председатель Мяу. Он занимал половину кровати, а когда я присела на краешек, перебрался мне на колени. Сэм сказал – он сказал, чтобы называла его Сэмом, – что, значит, я ему понравилась, а ему мало кто нравится. Я осторожно погладила, и он не стал меня царапать, как всегда царапает Хурма тетушки Тэг. А свернулся клубком и заснул.

Сэм заварил чая себе и мне. Отец пил виски. (Он ужасно много пьет. Сейчас он пьет в гостиничном баре. И курит тоже много. Нехорошо говорить, что он страдает всеми пороками, после того как он помог мне сбежать и платит за школу. При том что он меня не приглашал.) Чай пили из стаканов с металлическими подстаканниками, без молока и без сахара, так гораздо вкуснее. У него приятный вкус. Я удивилась, потому что обычно чай мне совсем не нравится и я пью только из вежливости. Сэм наливал воду из электрического самовара, который поддерживает правильную температуру.

Немного погодя я стала рассматривать книги и увидела наверху одной пачки «Коммунистический манифест». Должно быть, я что-то хмыкнула, потому что оба оглянулись на меня.

– Просто увидела у тебя «Коммунистический манифест», – объяснила я.

Сэм засмеялся.

– Он у меня от доброго друга, доктора Шехтера.

– Я сама его недавно прочитала, – сказала я.

Он снова засмеялся.

– Это прекрасная мечта, но она так и не сбылась. Посмотри, что происходит сейчас в России или в Польше. Доктору Шехтеру этого не понять.

– Я и про Платона читала, – сказала я, потому что он упоминался в «Последних каплях вина» и Сократ тоже.

– Читала о Платоне? – повторил Сэм. – А Платона не читала?

Я помотала головой.

– Его стоит почитать, но и поспорить с ним тоже, – сказал он. – Помнится, у меня где-то был Платон по-английски.

И он стал двигать пачки книг, а отец ему помогал. Я бы тоже помогла, но, пока Председатель Мао спал у меня на коленях, не могла шевельнуться. У Сэма нашелся Платон на греческом, польском и английском, и, слушая, как он бормочет над пачками, я поняла, что он читает на всех этих языках и еще на иврите и что хоть он и забавно говорит по-английски и живет в съемной комнатухе, но человек очень образованный. Глядя, как отец помогает ему перебирать пачки, я заметила, что они любят друг друга, хотя особо и не показывают.

– А, вот, – сказал Сэм, – «Пир» на английском, неплохо для начала.

Это был тонкий черный томик из серии «Пенгуин классикс».

– Если понравится, я могу взять еще в библиотеке, – сказала я.

– Так и сделай. Не бери пример с Даниэля – вечно читает сказки, а на настоящее времени не хватает. У меня наоборот – нет времени на сказки.

– У меня в школе одна подруга так же, – сказала я. – Для забавы читает научные статьи.

Оказалось, Сэм читал некоторые статьи Азимова, и еще у него есть его книга о Библии!

– Не мог же я не купить книгу о Библии, написанную евреем-атеистом! – сказал он.

Когда стемнело, отец засуетился, решил отвезти нас поесть. Мы зашли в заведение по соседству, где ели маленькие панкейки под названием «blini» – с копченой форелью и сливочным сыром, может быть, самое вкусное, что мне доводилось пробовать. Потом мы взяли симпатичные ватрушки с творогом и картошкой, и *они* были бы вкуснее всего, что я ела за последние месяцы, если б перед ними я не попробовала той замечательной форели, а потом были еще другие блинчики, с вареньем. Сэма там все знали, подходили здороваться и просили познакомиться. Я поначалу чувствовала себя немного неловко, но быстро привыкла, потому что Сэм держался как ни в чем не бывало. Я видела: он среди этих людей как среди родных, живет с ними одной семьей.

Мне понравился Сэм. Жалко было прощаться. Я записала его адрес и дала ему свой школьный. Хотелось поговорить с ним об иудеях, и о рассказах Шарон, и о моих замыслах стать рисовой иудейкой, но при отце не хотелось. При нем было неловко. С Сэмом проще. Во-первых, ему я не обязана благодарностью, и, во-вторых, он не чувствует себя виноватым передо мной.

Мы поехали в гостиницу. После той, где мы жили в Пемброкшире, она совсем никакая. У нас оказался один номер на двоих, чего я не ожидала, но он сразу ушел в бар, так что комната, в общем-то, в моем распоряжении. Часы перевели на час назад, так что можно будет лишний час поспать!

«Пир» – блеск. Очень похож на «Последние капли вина», хотя происходит все, конечно, раньше, когда Алкивиад был молодым. Здорово, наверное, было жить в то время.

Воскресенье, 28 октября 1979 года

Я в поезде, в большом междугородном поезде из Лондона в Кардифф. Он без разбора проезжает города и деревни, бежит по своим рельсам. Я сижу в углу купе, и никто меня не замечает. Есть вагон-кафе, там можно купить жуткие сэндвичи и жуткие шипучки или кофе. Я купила «Кит-Кэт» и ем их понемножку. Идет дождь, от него земля выглядит чище, а города грязнее.

И еще прекрасно в старых одежках. Я и вчера в них была, но не так замечала. А когда сидишь здесь, сама по себе и глядишь в окно, очень приятно чувствовать на себе джинсы и старую толкиновскую футболку вместо той жуткой формы.

Забавно. Все это я написала зеркально, чтобы никто не прочитал, но следующий абзац мне хочется написать дважды зеркально или вверх ногами и задом наперед. Блокнот с замочком. Мне повезло, что я умею писать зеркально, просто переложив вставку в левую руку. Я так наострилась, что пишу немногим медленнее, чем правой.

Так вот.

Вчера вечером, закончив запись, я немножко почитала (Нивена, «Мир Птаввов») и погасила свет. Я заснула, а потом *он*, мой отец – лучше мне называть его Даниэлем, его так зовут, и Сэм его так называет, – Даниэль вошел, включил свет и разбудил меня. Он был пьян. Он плакал. Он лез ко мне в постель и с поцелуями, мне пришлось его оттолкнуть.

Я помню, что обещала себе быть про-сексуальной, но.

С одной стороны, приятно думать, что кто-то меня хочет. И прикосновения приятны. А секс... ну, в школе все всегда на людях, но прошлой ночью у меня был шанс. (Долго ли это? Мастурбация – это на пять, самое большее десять минут. В книгах никогда не говорится, сколько времени. Брон и Колючка занимались этим часами, но у них был эксгибиционистский секс.) А из «Достаточно времени для любви» я вполне усвоила, что в инцесте самом по себе нет ничего плохого – не то чтобы я воспринимала его как родного. Представить не могу, чтобы мне захотелось с бабушкой! Бр-р!

Но с ним, с Даниэлем, это на самом деле просто единокровие, а на самом деле мы чужие. Значит, просто нужно предохраняться, а я бы в любом случае предохранялась. Мне всего пятнадцать. И, по-моему, это противозаконно, а попадать ради этого в тюрьму не стоит. Но ему я, кажется, нужна, а кому я еще нужна, такая поломанная. Не хочу считать себя обделенной, но, наверное, так и есть. Так или иначе, я сказала «Нет», не успев ничего обдумать, потому что он был пьяный и жалкий. Я его оттолкнула, и он упал в другую кровать и громко захрапел, а я лежала, вспоминая Хайнлайна и историю Старджена из «Опасных мечтаний». «Если все люди братья, ты позволишь одному из них жениться на твоей сестре?» Классное название.

Утром он вел себя, будто ничего не случилось. Мы опять не смотрели друг на друга, пока ели холодную яичницу с дряблым беконом в маленьком гостиничном буфете. Он дал мне деньги на билет и десять фунтов на книги. Если даже я потрачу часть на еду и автобусы, на десяток книг точно хватит. Очень странно: он иногда ведет себя так, словно денег у него совсем нет, а иногда вот так их разбрасывает. Мне надо будет вернуться в Шрусбери к следующей субботе, потому что вечером воскресенья надо быть в школе. Он встретит меня на станции. Но это неделя, целая неделя свободы. И тетушка Тэг сегодня встретит меня в Кардиффе. Я ей позвонила из Пэддингтона. А пока я между, между всем, между мирами, ем «Кит-Кэт» и пишу. Люблю поезда.

Понедельник 29 октября 1979

Здесь четверть кончается не так, как в Арлингхерсте, каникулы у всех были на прошлой неделе. Так что тетушка Тэг работает, и все мои друзья в школе. Я приехала вчера вечером, съела сырный пирожок тетушки Тэг и после ужина сразу заснула.

Сегодня ездила в Кардифф покупать книги. Что хорошо в «Лирсе», это что у них есть американские издания. «Глава и стих» тоже приятное место, я туда всегда захожу, но они не завозят из-за границы. Еще есть много магазинов старой книги. Один в пассаже «Замок», один на Хэйз и один у казино – у них в задней комнате порно. Я, наверное, единственная, кто покупает у них книги с открытых полок. На меня всегда так таращатся, что хочется пройти дальше и закупить порнографии. А может, они не хотят продавать книги с витрины, потому что тогда приходится докупать новые? Я взяла том четвертый «Лучшего из Гэлакси» за 10 пенсов, в нем есть рассказ Желязны.

Под вечер мы поднялись по долине, чтобы повидать дедушку. Он уже не в больнице, а в пансионате «Феду Хир». Все остальные там практически сумасшедшие. Один сидит и плямкает губами «Блуба, блуба, блуба», а другой в промежутках вскрикивает. Более жуткого, унылого места я в жизни не видела: все эти старики с отвисшими челюстями и потухшими глазами сидят на кроватях, одетые в пижамы, и выглядят так, будто уже на пороге смерти. Дедушка там из лучших. У него парализована одна сторона, но другая сильная, как раньше, и он может говорить. С умом все в порядке, хотя кожа не того цвета. Волосы у него всегда были седые, сколько я себя помню, но теперь совсем белые, и в них есть прядь цвета свернувшегося молока.

Говорить он может, но сказать ему особо нечего. Он надеется скоро вернуться домой, но тетушка Тэг на это не рассчитывает, хоть и надеется забрать его на Рождество. Она и меня звала, а я сказала, что приеду, если мне не придется видеть мать. Не знаю, сумеем ли мы это устроить. Дедушка при виде меня пришел в полный восторг, все хотел знать обо мне и моих делах, и это, конечно, вышло неловко. Он не хотел упоминать имени Даниэля, как и раньше. Он никому не разрешал его вспоминать с тех пор, как Даниэль бросил мою мать. Так что про него я, конечно, ничего рассказать не могла. Но я рассказала про школу, промолчав, как там ужасно и как меня все ненавидят. Рассказала про свои отметки и про библиотеку. Он спрашивал, лучше ли у меня с ногой, и я сказала, что да.

Не лучше. Но теперь я понимаю, что это ничего. Ладно, мне больно, но ходить я могу. Я передвигаюсь. А он прикован к месту, хоть и получает физиотерапию, как сказала тетушка Тэг.

Уходя, тетушка Тэг, которая там часто бывает, пожелала доброй ночи другим знакомым, но те не могли ответить, разве только выли и заикались. Я невольно подумала про Сэма, которому, должно быть, примерно столько же лет, сколько этим старикам, и вспомнила его симпатичную теплую комнатку с книгами и самоваром. Сэм личность, а эти люди – просто отбросы, останки людей.

– Надо нам забрать отсюда дедушку, – сказала я.

– Да, но это не так просто. Он не сможет сам за собой ухаживать. Я могла бы приходить на выходные, но понадобится сиделка. Это очень дорого. Они надеются, может быть, к весне.

– Я могла бы жить с ним и помогать, – сказала я, и на миг слова повисли звездочкой надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.